E 94/333

2007098074

Е 94
6 3.33.

ТРИ ТАБАНГУТСКИХЪ РОДА СЕЛЕНГИНСКИХЪ БУРЯТЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Я. Смолева.

Со временъ первыхъ изслѣдователей, изучавшихъ бурятъ: Дуброва—Иркутскихъ и Александры Викторовны Потаниной—Забайкальскихъ, все больше и больше появлялось изслѣдованій, но всѣ они имѣли въ виду изученіе цѣлаго племени бурятъ, а не отдѣльныхъ его родовъ.

Я занялся частнымъ изученіемъ родовъ Табангутскихъ, самыхъ многолюдныхъ изъ живущихъ какъ въ самомъ городѣ Троицкосавскѣ, такъ и его окрестностяхъ; собиранію матеріаловъ значительно способствовало то, что я всю жизнь провелъ вблизи бурятскихъ улусовъ и при постоянныхъ сношеніяхъ съ бурятами успѣлъ близко ознакомиться съ ихъ языкомъ и бытомъ.

Я буду весьма радъ, если мои, хотя и неполныя свѣдѣнія, внесутъ что-нибудь новое въ матеріалы по изученію этнографіи бурятъ.

Преданіе о происхожденіи Табангутскихъ родовъ:

Въ XVII вѣкѣ, во время владычества монгольскаго князя Тушѣту-хана, земли котораго простирались отъ кумирни Эрдэни-цзу до озера Угэй-нуръ и береговъ рѣки Харухи, въ подданствѣ его изъ коренныхъ монголовъ находилось такъ называемое Таболынское племя.

Князь Тушѣту-ханъ, просватавъ и выдавъ свою дочь, которую буряты называютъ Эчжи-Гунчжи, замужъ за князя Сэцэнъ-хана, прислалъ съ ней трехъ человѣкъ съ семьями изъ Таболынскаго

племени, какъ ея слугъ, съ тѣмъ, чтобы таковые не возвращались обратно, а жили бы при дочери Эчжи-Гунчжи. Размножившись, они составили подъ старымъ названіемъ племя, платившая дань уже Сэцэнъ-хану. Такимъ образомъ, таболынцы перешли въ подданство князю Сэцэнъ-хану, княжество котораго располагалось кочевьемъ при рѣкѣ Хэрулюнѣ.

Таболынцы находились постоянно вблизи княгини, какъ люди, знакомые съ ея привычками. Въ точности исполняя ея волю, они заслужили чрезъ это большое довѣріе и вниманіе у самого князя. Княгиня почти не пользовалась услугами коренныхъ подданныхъ своего мужа и старалась настолько приблизить своихъ таболынцевъ къ князю, чтобы онъ довѣрилъ имъ распоряженіе надъ остальными монголами. Всѣ три брата были приближенными князя и княгини и пользовались особеннымъ довѣріемъ, такъ что старшій братъ распоряжался всею прислугой князя; средній братъ былъ какъ бы экономомъ по выдачѣ всякихъ припасовъ, а младшій братъ надсматривалъ за скотомъ и тѣми людьми, которые пасли скотъ. Вотъ каковы были сначала обязанности трехъ братьевъ при князѣ. Между братьями вскорѣ разгорѣлась зависть. Старшій братъ, пользуясь своимъ положеніемъ и довѣріемъ князя, часто кралъ припасы, полученные отъ средняго брата; средній же братъ, получая отъ младшаго брата скотъ, также пользовался этимъ случаемъ для своихъ личныхъ цѣлей; только одинъ младшій не могъ этого дѣлать, но онъ былъ честнѣе двухъ старшихъ братьевъ и старался добросовѣстно наблюдать за скотомъ. И теперь буряты говорятъ между собою, что у третьяго рода болѣе скота, такъ какъ и потомство младшаго брата унаслѣдовало отъ него склонность къ скотоводству.

Туземцы, сознавая, что эти таболынцы заберутъ ихъ въ свои руки, начали дѣлать ложные доносы и подводить таболынцевъ подъ наказаніе и отвѣтственность; но пока были живы князь и княгиня, всѣ попытки повредить табалынцамъ не имѣли успѣха.

Въ началѣ XVIII столѣтія скончался князь Сэцэнъ-ханъ, оставивъ новаго правителя—Амбаня, родомъ изъ коренныхъ монголовъ, который не питалъ должнаго уваженія ко вдовѣ княгинѣ. Со смертью князя, съ самаго начала правленія Амбаня, между таболынцами и туземцами начались распри, ссоры, тяжбы, даже кражи и убійства; правыми, конечно, всегда являлись туземцы, а не таболынцы.

Дань, наложенная на таболынцевъ, сдѣлала ихъ жизнь еще невыносимѣе. Ламы, при лѣченіи таболынцевъ, отравляли ихъ по приказанію Амбаня, а при рожденіи дѣтей мужского пола повитуха съ ламой производила кастрацію, чтобы не дать размножиться таболынцамъ и искоренить ихъ племя. Такое безвыходное положеніе таболынцевъ поневолѣ заставило ихъ подумать о выходѣ изъ него, и вотъ они рѣшили бѣжать, но куда? Если обратно къ старому князю, то ихъ тамъ не примутъ и выдадутъ врагамъ, а въ другое мѣсто некуда. Они и придумали откочевать дальше къ сѣверу, а потомъ бѣжать въ предѣлы Россійскаго государства.

Три года таболынцы готовились къ побѣгу и старались сохранить въ тайнѣ свой планъ. Подготовка къ побѣгу состояла въ слѣдующемъ: запастись хорошими лошадьми, уменьшить количество скота, завести одежду, обувь и войлока для жилища, а съ наступленіемъ весны совершить и самый побѣгъ.

Наступилъ 1719 годъ. Съ появленіемъ зелени, т. е. подножнаго корма, три брата изъ таболынскаго племени, взявъ съ собою свои семейства, много товарищей, ламъ, хувараковъ и гадальщиковъ, совершили побѣгъ. Остальные таболынцы отказывались отъ побѣга: одни по бѣдности или старости, а другіе, боясь погони, поимки и наказанія. Три брата бѣглеца успокаивали себя и своихъ товарищей тѣмъ, что находящіеся съ ними ламы помогутъ имъ молитвами и совѣтами, а ворожеи—гаданіемъ и отчитываніемъ отъ нападенія погони.

Преданіе не говоритъ, сколько именно времени продолжалось ихъ путешествіе, но упоминаетъ, что на половинѣ дороги, когда они остановились для отдыха и кормежки лошадей и скота, ламы послѣ утоленія голода стали совершать молитвы и приносить жертвы, а ворожеи начали гадать о томъ, какъ велика опасность въ путешествіи и нѣтъ ли за ними погони. Вскорѣ они узнали, что погоня близка, а опасность неминуема. Тогда ламы распорядились готовить скорѣе лошадей и собирать скотъ и даже, для быстроты побѣга, бросить малолѣтнихъ дѣтей и нѣкоторыхъ стариковъ. Но одинъ изъ ламъ заявилъ, что однимъ только можно спастись, это—воротиться назадъ и заявить погонѣ, что они ищутъ хорошаго мѣста для кочевья; но многіе не согласились на это. Тогда ламы опять совершили моленье, и одинъ изъ гадальщиковъ приказалъ перевернуть сѣдла на лошадяхъ, переднею лукой назадъ, равно

какъ и одежду на себѣ, а самимъ сѣсть на лошадей задомъ на передъ и скорѣе продолжать путь. Исполняя это приказаніе, табольнцы съ большою поспѣшностью собрались и продолжали свой путь; погоня же, не пользуясь временемъ и не стараясь догнать бѣглецовъ, въ свою очередь остановилась для отдыха и кормежки лошадей; въ числѣ лицъ этой погони находился также лама-гадальщикъ, который во время отдыха, посмотрѣвъ въ книгѣ, сказалъ своимъ: „намъ нечего торопиться: наши бѣглецы всѣ идутъ назадъ, лицомъ прямо въ нашу сторону". Услышавъ это, погоня не стала отъѣзжать далеко, чтобы не мучить напрасно своихъ лошадей; табольнцы же, пользуясь ошибкой своихъ враговъ, старались день и ночь совершать путь и, наконецъ, достигли Забайкалья. Доѣхавъ до самаго города Селенгинска, гдѣ тогда находился какой-то „канцелярскій домъ" Байба цзурганъ, они и заявили тутъ о своемъ желаніи перейти въ подданство Русскаго Царя.

По словамъ бурятъ, пришельцамъ приказали избрать себѣ для жительства мѣсто какъ можно ближе къ Монголіи и пользоваться землями, пока не утвердятся границы. Въ Селенгинскѣ табольнцы заявили, что они монголы изъ княжества Тушѣту-хана, табангутскаго племени, буддійскаго исповѣданія, Ясу, т. е. кости Бата, и по своей волѣ пришли въ подданство Бѣлаго Царя.

Здѣсь они по своему желанію приняли присягу на вѣрность подданства; присяга состояла, какъ передаютъ буряты, въ слѣдующемъ: саблей была отсѣчена голова черной собаки, кровь и лезвее буряты лизали, а дуло ружья цѣловали, чѣмъ и выразили свою преданность, вѣрноподданническія чувства и любовь къ русскому великому „Батырю-Царю" (это выраженіе и теперь у бурятъ сохраняется), т. е. „Цаганъ Батуръ-ханъ".

Получивъ приказаніе отъ русскаго начальства, табольнцы возвратились ближе къ границѣ и всѣ вмѣстѣ остановились около рѣки Селенги, на хорошихъ сѣнокосныхъ лугахъ. Буряты передаютъ, что они владѣли Ботанскимъ сѣнокоснымъ лугомъ, который впослѣдствіи отданъ русскимъ. Судя по плану, можно предположить, что этотъ лугъ принадлежалъ имъ, такъ какъ онъ Высочайше пожалованъ для скотоводственной промышленности въ 1807 году Троицкосавскому форпосту городского общества, а у бурятъ есть документы, указывающіе, что они жаловались правительству въ 1808 году на то, что они лишились сѣнокосныхъ луговъ. Буряты

всѣ говорятъ, что имъ былъ выданъ кожаный планъ, очевидно на пергаментѣ. Но во время пріѣзда какого-то русскаго начальника, который потребовалъ планъ отъ зайсана табангутскаго рода, этотъ зайсанъ изъ боязни спрятался въ ящикъ, а требуемый планъ былъ переданъ начальнику женой зайсана. Въ то время буряты платили уже дань шкурами животныхъ, а имъ въ награду присылался табакъ, который они называли „узанъ-дунсунъ тамахи". Про этотъ табакъ сожалѣютъ буряты, и въ пѣсняхъ всѣхъ трехъ родовъ воспоминается о немъ: „ныгэ пунту узанъ тамахи абылэ", т. е. получилъ одинъ фунтъ табаку.

Такъ какъ главныхъ выходцевъ было три брата, то отъ нихъ и произошли три табангутскихъ рода. Братья рѣшили поселиться смежно другъ съ другомъ и пользоваться землями и лѣсами сообща.

Старшій братъ *„Хотой"* выбралъ себѣ мѣсто на Ичетуѣ къ западу; оно понравилось ему обиліемъ тарбагановъ и сараны, лакомой пищи, добываемой безъ особеннаго труда. Кромѣ того, эта мѣстность въ то время была покрыта большой травой „улунъ", осокой, что давало ему возможность воровать и легко скрывать слѣды.

Еще до сихъ поръ случается, что буряты, поссорившись, укоряютъ принадлежащихъ къ этому роду, что Ичетуйскіе буряты воры, такой „ясу", т. е. кости.

Средній братъ *„Шитей"*, по совѣту ламъ, остался на томъ мѣстѣ, куда они пріѣхали изъ Селенгинска, разсчитывая, въ виду близости города, на хорошую торговлю.

Младшій братъ *„Идыръ"*, тоже по совѣту ламъ-гадальщиковъ, ушелъ къ востоку, поселился на правой сторонѣ рѣки Селенги и занялъ мѣста до устья Чикоя. Легенда упоминаетъ между прочимъ, что младшій братъ говорилъ двумъ другимъ: „у васъ въ засуху не будетъ корму скоту, а у меня можно одной „хараганой" прокормить". „Харагана" это—мелкій кустарникъ, очень колючій, и скотъ во время засухи, дѣйствительно, питается почти исключительно имъ.

Такъ разселились братья. Что касается названій родовъ, послѣ ихъ раздѣленія, то я могъ познакомиться только съ документами, касающимися 2 рода, у остальныхъ же они не сохранились.

Первое распоряженіе по 2 табангутскому роду — это выписка изъ инструкціи за подписью графа Саввы Владиславича Рагузинскаго; она озаглавлена такъ: „Распоряженіе Зайсану Шитею, которое на собраніи или Цугланѣ, братскимъ-иноземцамъ объявлено"

*

(у монголовъ и сейчасъ только одно имя, а такъ какъ былъ выходецъ изъ Монголіи, то онъ и не показалъ ни отечества, ни фамиліи) и дальше слѣдуетъ: „старыя ссоры и тяжбы, которыя приносили имъ тягость и разореніе, по указу Его Императорскаго Величества судить не велѣно, а велѣно судить таковыя только съ 1720 года, сирѣчь за восемь лѣтъ. А когда большое дѣло, въ такомъ случаѣ выбрать изъ ближайшихъ трехъ родовъ по два начальника отъ рода, сидѣть по линіямъ и рѣшать ссоры, обиды другъ отъ друга, въ воровствѣ калымѣ; челобитчиковъ и отвѣтчиковъ слушать и праведное рѣшеніе (безъ) продленія (проволочки) чинить, дабы не токмо тяжбы пресѣчь моимъ (приказомъ) и усмирить, отнюдь не пересудить русскаго коммисара и не касается криминальныхъ дѣлъ“. Первый зайсанъ второго рода Шитей прожилъ только 20 лѣтъ; послѣ него вступилъ въ управленіе его сынъ Хурумши Шитѣевъ, который указомъ Селегинской Воеводской канцеляріи былъ утвержденъ въ 1739 году (іюля 4 дня, за № 625). Но Хурумши прослужилъ только 30 лѣтъ и, по слабости здоровья, передалъ управленіе сыну своему Чагдуру Хурумшіеву, который, по ходатайству отца, былъ назначенъ указомъ канцеляріи Правленія пограничныхъ дѣлъ въ 1769 г. (іюня 17 дня, за № 123). Чагдуръ Хурумшіевичъ прослужилъ 39 лѣтъ и оставилъ свою должность зайсана своему сыну Гомбо Чагдурову. Этотъ Гомбо Чагдуровъ утвержденъ въ должности по указу Его Императорскаго Величества, приказомъ Иркутскаго Губернскаго правленія, по рапорту Селенгинскаго частнаго комисара Шелковникова въ 1808 году (сентября 4 дня, за № 2513). Слѣдующій потомокъ Шитея, сынъ Гомбо Чагдурова, Доржи Гомбоевъ, какъ неграмотный, не былъ зайсаномъ, и потомки его также назначеній не получали, хотя они существуютъ и теперь, но службы не несутъ.

Границы разселенія 3-хъ табангутскихъ родовъ остались безъ измѣненія со времени ихъ переселенія въ Сибирь, именно: 1-ый родъ занимаетъ мѣстность на Ичетуѣ по рѣкѣ Чжидѣ, разстояніемъ около 40 верстъ, самый ближайшій ихъ улусъ къ Енхорскому селенію около 2-хъ верстъ, а самый дальній 30 верстъ. 2-й расположенъ на востокъ и западъ отъ Усть-Кяхты и занимаетъ мѣстности Субуктуй, Тэргэтуй, Хатогоръ и Харанхой, по рѣкѣ Селенгѣ; послѣднею мѣстностью буряты владѣютъ сообща съ казаками Кирсанской станицы, на разстояніи около 20 верстъ. Самый ближайшій

улусъ къ Усть-Кяхтѣ лежитъ въ 2-хъ верстахъ, а самый дальній въ 12 верстахъ. 3-й родъ расположенъ на сѣверо-востокъ отъ 2 рода по рѣкѣ Чикою, на протяженіи 50 верстъ по теченію Чикоя, именно, отъ Аршанъ-Сучжи до селенія Поворотнаго; ближайшіе ихъ улусы къ деревнямъ Сафроновской, Калининской и Усть-Кяхтѣ, лежатъ не далѣе десяти верстъ.

Количество земель, находящихся во владѣніи перваго рода, достигаетъ 2500 десятинъ, изъ коей: пахотной 900 десятинъ, подъ выгономъ и лѣсомъ 1000 десятинъ и сѣнокосной 600 десятинъ.

У второго рода 2000 десятинъ: выгонной 900 дес., пахотной 700 дес., сѣнокосной 400 дес. и подъ лѣсомъ 60 дес., временно отведенной на Сучжи, взамѣнъ мѣстности Тукумской, бывшей подъ лагерями 2 Восточно-Сибирскаго линейнаго баталіона.

У третьяго рода земель 3000 десятинъ: выгонной и подъ лѣсомъ 1000 дес., пахотной 1000 дес. и сѣнокосной 1000 дес.

Впрочемъ, земли эти за бурятами не утверждены, и буряты не имѣютъ новыхъ плановъ, старые же планы были отосланы по требованію Забайкальской казенной палаты.

На указанныхъ земельныхъ участкахъ живетъ всего изъ 3-хъ родовъ около 2000 душъ обоего пола, именно: въ первомъ родѣ 472 души мужского и 203 души женскаго.

Во второмъ родѣ 295 душъ обоего пола: мужского 140 душъ и женскаго 155 душъ, въ томъ числѣ крещеныхъ одинъ.

Въ третьемъ родѣ обоего пола 1208 душъ: мужского 623 души и женскаго 585 душъ, крещеныхъ двое.

Скотоводство развито у нихъ довольно значительно; приблизительно считается: въ первомъ родѣ лошадей 300 головъ, изъ нихъ рабочихъ 100 головъ; рогатаго скота 600 головъ; мелкаго: овецъ 3000 головъ и козъ 800 головъ.

Во второмъ родѣ лошадей 200 головъ, въ томъ числѣ рабочихъ 50 головъ; рогатаго скота 400 головъ и мелкаго: овецъ 3000 гол. и козъ 500 головъ.

Въ третьемъ родѣ лошадей 700 головъ, въ томъ числѣ рабочихъ 200 головъ; рогатаго скота 500 головъ; мелкаго: овецъ 4000 головъ и козъ 700 головъ.

Во всѣхъ трехъ родахъ земледѣліемъ буряты занимаются мало: въ первомъ родѣ засѣваютъ до 200 десят. земли; на каждую де-

сятину высѣвается зернового хлѣба до 7 пуд., во всѣхъ 3-хъ родахъ, несмотря на нѣкоторое различіе въ почвахъ; во второмъ родѣ засѣвается до 100 десят.; въ третьемъ родѣ до 300 десятинъ. Земли у всѣхъ родовъ песчаныя, расположенныя большею частью на очень высокихъ мѣстахъ; только въ дождливые годы у нихъ бываетъ хлѣбъ въ избыткѣ, большею же частью имъ хлѣба не хватаетъ на свое продовольствіе, и они принуждены его покупать. Посѣвы хлѣбовъ производятся у нихъ гораздо позднѣе, чѣмъ у русскихъ: почти въ половинѣ мая; за недостаткомъ зернового хлѣба на обсѣмененіе полей буряты получаютъ таковой изъ своихъ экономическихъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, которые имѣются у каждаго рода съ полнымъ запасомъ.

Первоначальная обработка земли производится въ іюлѣ мѣсяцѣ, обыкновенно сохой въ одну лошадь, а весной, при посѣвѣ, перепахивается снова и зерно заборонивается; пашни огораживаются жердями, при чемъ нѣсколько хозяевъ сообща огораживаютъ смежныя пашни.

Сѣнокосы находятся у всѣхъ около рѣкъ, въ первомъ родѣ у рѣки Чжиды, во второмъ—у Селенги, а въ третьемъ—по берегамъ Чикоя. Въ общемъ накашиваютъ до 20 тыс. копенъ сѣна: 1-й родъ до 6 тыс. копенъ, 2-й родъ до 4 тыс. копенъ и 3-й родъ до 10 тыс. копенъ. Такъ какъ луга расположены около рѣкъ, то нерѣдко приходится оставаться и совсѣмъ безъ сѣна, вслѣдствіе осеннихъ разливовъ, затопляющихъ всѣ луга. Буряты въ этихъ случаяхъ кормятъ скотъ соломой, тальникомъ или покупаютъ сѣно въ окрестныхъ селеніяхъ; хотя всѣ три рода страдаютъ отъ наводненія, но болѣе другихъ терпитъ 3-й родъ отъ разлива Чикоя и 1-й отъ разливовъ рѣки Чжиды.

Всѣ три рода имѣютъ рабочихъ лошадей, на которыхъ они занимаются доставкой чаевъ изъ г. Троицкосавска до ст. Мысовой на берегу Байкала; иногда ходятъ въ Ургу за купеческими чаями, а главное, чтобы поклониться своему Богдо-Гэгэну.

Въ лѣтнее время буряты мало занимаются извозомъ; они обыкновенно расходятся по лѣсамъ заготовлять строевой лѣсъ, дрова и проч. Они часто принимаютъ на это подряды и въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ производятъ доставку на своихъ лошадяхъ.

Во время перевозки чаевъ буряты лошадей своихъ кормятъ очень скупо, разсчитывая на то, что хотя лошадь откажется къ

веснѣ отъ работы, по даромъ ѣсть сѣна не будетъ, такъ какъ пойдетъ на подножный кормъ, на которомъ привычныя бурятскія лошади, если онѣ не въ работѣ, прохаживаютъ всю зиму, не требуя никакого ухода.

Мужчины изъ 2 табангутскаго рода, какъ живущіе вблизи Усть-Кяхты, всѣ занимаются поденною работой при кожевенныхъ заводахъ, а иные даже служатъ тамъ постоянно, исполняя должность мастера или подмастерья.

Буряты вообще любятъ, когда имъ оказываютъ довѣріе, и очень гордятся этимъ другъ передъ другомъ. Въ послѣднее время почти не видно русскаго работника на поденной работѣ при кожевенныхъ заводахъ; онъ спился и старается, взявъ задатокъ, пропить его, а потомъ нанимается къ другому хозяину.

Буряты хотя и не ведутъ торговли, считая это для себя не подъ силу, но если представится случай что-нибудь дешево купить и скоро продать съ барышемъ, то каждый изъ нихъ не прочь отъ этого.

Всѣ буряты способны къ ремесламъ, въ особенности къ плотничному и столярному, да и вообще каждый изъ нихъ умѣетъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ все исправить; напримѣръ, онъ не будетъ нанимать дѣлать телѣгу, а сдѣлаетъ ее самъ; среди нихъ есть очень хорошіе столяры, и работа производится ими самымъ добросовѣстнымъ образомъ; есть и шорники, которые, впрочемъ, въ этомъ ремеслѣ особеннымъ искусствомъ не отличаются.

Наиболѣе искусные ремесленники, это—мѣдники, которые всегда зарабатываютъ хорошія деньги и гордятся своимъ ремесломъ; буряты приготовляютъ также хорошія издѣлія изъ серебра.

Кузнечное ремесло занимаетъ самое послѣднее мѣсто, и буряты имъ пренебрегаютъ, хотя бы таковое давало и большой заработокъ. Это объясняется тѣмъ, что огонь есть самое высшее божество, и лить на него воду считается большимъ грѣхомъ; буряты, кромѣ пищи, ничего въ огонь не бросаютъ, а тутъ надо каждый разъ горячее желѣзо опускать въ воду, какъ бы смѣшивать огонь съ водой, что считается у нихъ грѣхомъ. Если буряты занимаются этимъ ремесломъ, то очень рѣдко, да и то я могу смѣло сказать, что здоровый и способный бурятъ на это никогда не согласится, скорѣе какой-нибудь калѣка или неспособный къ другимъ ремесламъ. Между бурятами есть повѣріе, что ни одинъ кузнецъ не будетъ богатъ, а плотникъ и столяръ всегда.

Малярное ремесло у нихъ также существуетъ, но очень мало развито; гончарнаго производства буряты почти не знаютъ, и между ними такія издѣлія не употребляются; только лишь нѣкоторые вырабатываютъ кирпичи для своихъ печей.

Есть между ними хорошіе бондари, но почему-то буряты мало занимаются этимъ ремесломъ. Они всѣ, безъ исключенія, въ особенности женщины, занимаются скорняжнымъ ремесломъ, хотя почти только для себя, рѣдко для продажи; выдѣлываютъ шкуры овечьи, козьи и скотскія на сыромять, послѣднія выдѣлываются хорошо съ помощью молока, но не особенно прочны. Среди бурятскихъ дѣтей часто замѣчается стремленіе къ занятію рисованіемъ. Жаль только, что склонность эта не развивается. Между бурятами есть лѣкаря и ворожеи, а особенно искусные костоправы,—послѣднихъ часто приводятъ изъ улусовъ даже къ русскимъ больнымъ.

Экономическій бытъ. На содержаніе бурята въ годъ, по моему вычисленію, расходуется въ среднемъ до 80 рублей; именно:

		руб.	коп.
12 кирпичей чаю обыкновеннаго по 50 коп.		6	—
10 пудовъ мяса бараньяго и скотскаго по 2 р.		20	—
4 фун. соли		—	20
10 пуд. муки ячной по 1 р. 50 к.		15	—
10 фун. крупчатки		—	50
10 „ курительнаго табаку по 20 к.		2	—
1 „ нюхательнаго		—	50
20 „ масла скотскаго		5	—
1 тыс. спичекъ		1	—
Одежды	нижняго бѣлья	5	—
	верхняго „	7	—
	сапогъ 2 пары	10	—
Повинностей среднимъ числомъ		7	—
Мелочного расхода		—	80
	Итого	80	—

Приходъ же на каждаго человѣка въ годъ приблизительно не превышаетъ 80 рублей.

Счисленіе времени. Немногіе буряты знаютъ свое лѣтосчисленіе, кромѣ ламъ и хувараковъ, которые и знакомятъ съ нимъ простолюдиновъ. Вѣкъ у бурятъ содержитъ двѣнадцать лѣтъ, года эти считаются такъ же, какъ и мѣсяцы, и имѣютъ такія же названія, только съ добавленіемъ названій стихій, которыхъ считается пять:

галъ—огонь, усунъ—вода, шорой—земля, тумуръ—желѣзо и модонъ—дерево. Такъ, напримѣръ: настоящій 1898 годъ носитъ у бурятъ названіе Эрэ-галъ-нохой, слѣдующій 1899 г. будетъ Эмэ-галъ гахай, затѣмъ 1900 г. Эрэ-шорой-хулугуна, 1901 г. Эмэ-шорой-ухэръ, 1902 г. Эрэ-тумуръ-барсъ, 1903 г. Эмэ-тумуръ-тулай, 1904 г. Эрэ-усунъ-лу, 1905 г. Эмэ-усунъ-могой, 1906 г. Эрэ-модонъ-мори, 1907 г. Эмэ-модонъ-хони, 1908 г. Эрэ-галъ-бичи, 1909 г. Эмэ-галъ-тахя. Послѣ того, начиная съ 13 года, названія повторяются въ томъ же порядкѣ, именно: 1910 г. называется Эрэ-шорой-нохой и такъ далѣе. Прибавляемая въ началѣ названія каждаго года слова: „Эрэ“ и „Эмэ“ означаютъ, будетъ ли данный годъ мужского или женскаго рода, именно: если въ началѣ названія года стоитъ „Эрэ“, то этотъ годъ мужской, а гдѣ „Эмэ“ — это женскій. Эрэ-модонъ-мори означаетъ мужской дерева и коня, а Эмэ-галъ-тахя—женскій огня и курицы; у бурятъ за самые неблагополучные и неурожайные года считаются: галъ-нохой (огонь-собака) и гахъ-гахай (огонь-свинья), т.-е. настоящій 1898 годъ и будущій 1899 годъ.

Двѣнадцать мѣсяцевъ года, каждый по 4 недѣли, носятъ слѣдующія названія:

1) Январь—„Хулугуна“, мышь.
2) Февраль—„Ухэръ“, корова.
3) Мартъ—„Барсъ“, барсъ.
4) Апрѣль—„Тулай“, заяцъ.
5) Май—„Лу“, драконъ.
6) Іюнь—„Могой“, змѣя.
7) Іюль—„Мори“, конь.
8) Августъ—„Хони“, овца.
9) Сентябрь—„Бичи“, обезьяна.
10) Октябрь—„Тахя“, курица.
11) Ноябрь—„Нохой“, собака.
12) Декабрь—„Гахай“, свинья.

„Гаракъ“, т. е. дни недѣли, называются:

Воскресенье—„Нима“.
Понедѣльникъ—„Даба“.
Вторникъ—„Мингмаръ“.

Среда—„Сагба“.

Четвергъ—„Пурба“.

Пятница—„Басанъ“.

Суббота—„Бимба“.

Въ каждыхъ суткахъ считается двѣнадцать „цакъ“ и въ каждомъ цакѣ 2 нашихъ часа; это исчисленіе времени знаютъ только штатные ламы дацановъ; по часамъ этимъ опредѣляютъ обстоятельства рожденія, брака и погребенія. У бурятъ считается 28 главныхъ свѣтилъ, т. е. звѣздъ, но имена ихъ никто изъ простыхъ бурятъ не знаетъ, а ламы уклонились дать ихъ названія въ переводѣ.

Буряты 2 и 3 табангутскихъ родовъ принадлежатъ Бултумурскому дацану, который основанъ въ 1795 г. и стоитъ на берегу рѣчки Бултумурки; при немъ находится одинъ ширѣтуй (табангутскаго рода Жамьянъ Рабдановъ, 65 лѣтъ), подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ пять штатныхъ ламъ, всѣ табангуты и одинъ староста, который избирается въ дацанѣ прихожанами на три года.

Дацанъ расположенъ на очень красивомъ мѣстѣ, окруженъ лѣсомъ, неподалеку отъ него вытекаетъ ключъ Болотъ-тумуръ, т. е. сталь-желѣзо.

Дацанъ лежитъ отъ Усть-Кяхты на сѣверо-востокъ въ 20 верстахъ по Хангидаевской дорогѣ, или по тракту на Билютайскую пристань въ сторону 10 верстъ.

Приходъ дацана состоитъ изъ казачьяго и инородческаго сословія 8100 душъ обоего пола, мужеск. 4030 и женскаго 4070 душъ; доходъ его простирается до 500 рублей въ годъ, изъ коихъ поступаетъ на содержаніе ламъ 300 р., на содержаніе дацана 100 р. и на жалованье прислугѣ 100 руб.

Главный доходъ его получается за поминовеніе умершихъ, а также бываютъ и общественныя раскладки, а затѣмъ много приноситъ „бурханъ Аріябало“, котораго носятъ или возятъ двое ламъ, круглый годъ по всѣмъ улусамъ своего прихода, такъ что бурханъ этотъ долженъ пробыть не менѣе 3-хъ сутокъ въ каждой юртѣ. За хуралы, т. е. молебны, платятъ ламамъ лично, а въ пользу дацана само собою. Этотъ бурханъ долженъ быть обнесенъ во время года по всему приходу и къ новому году, т. е. цаганъ-саръ, принесенъ на мѣсто въ дацанъ, въ которомъ ему служатъ хуралы до 9 дней, а послѣ того опять несутъ по приходу, начиная съ первыхъ ближайшихъ улусовъ и до дальнихъ.

Теперь я перехожу къ описанію рожденія, омовенія и нареченія имени ребенку.

При наступленіи родовъ женщины-бурятки приглашаютъ старуху, которая исполняетъ обязанности повитухи. При родахъ беременная женщина ставится на корточки, и передъ ней къ потолку привязывается веревка, за которую родильница держится руками, а сзади ее поддерживаетъ подмышки мужъ или мать, а въ крайности одна повитуха. Родители мужа родильницы не входятъ въ юрту до тѣхъ поръ, пока не уберутъ послѣда и нечистотъ. Сейчасъ послѣ родовъ повитуха завязываетъ пуповину ребенку „шурбусуномъ", т. е. ниткой, вырабатываемой изъ скотскихъ жилъ. Затѣмъ обрѣзаютъ пуповину ножомъ,—если родился мальчикъ, а если родилась дѣвочка, то обрѣзываютъ непремѣнно ножницами, при полномъ молчаніи, потому что, если повитуха и роженица ведутъ разговоръ, то ребенокъ бываетъ неспокойный и ревунъ.

Послѣ этого повитуха начинаетъ пеленать ребенка и укладывать на приготовленную ему постель. Окончивъ пеленаніе, повитуха собираетъ всѣ нечистоты и вмѣстѣ съ послѣдомъ завертываетъ въ войлокъ и зашиваетъ наподобіе сумки, которую тщательно зарываетъ въ землю, чтобы не было замѣтно для постороннихъ лицъ, зарываютъ большею частью подъ кроватью въ юртѣ. У бурятъ есть повѣріе, что если зарытыя нечистоты выроетъ собака или кто другой, то ребенокъ будетъ недолговѣченъ. Новорожденный остается на попеченіи повитухи отъ 3 до 6 дней, а иногда и болѣе, смотря по обстоятельствамъ семьи и самой роженицы. Мать въ это время считается нечистой, ей дается особая чашка, ложка и поварежка, а пищу наливаютъ другія лица изъ семьи. Роженица не имѣетъ права прикасаться къ огню, такъ какъ огонь есть высшее божество; она не можетъ даже подложить полѣна дровъ подъ чашу. Въ теченіе 9 дней роженица считается нечистою, а послѣ девятаго дня надъ ней читается молитва и окуривается одежда, которая была на ней при родахъ. Когда закончатся всѣ обязанности повитухи, то отецъ ребенка подноситъ ей бѣлый „хадакъ" для вытиранія рукъ. Послѣ этого отецъ ребенка, или кто-нибудь изъ старѣйшихъ семьи, отправляется въ дацанъ къ ширѣтую, гдѣ объявляетъ о рожденіи ребенка и въ то же время проситъ ламу совершить надъ новорожденнымъ младенцемъ обрядъ омовенія и нареченія имени. Лама, узнавши о времени рожденія ребенка, даетъ имя,

которое записываетъ въ свои книги, а если новорожденный казачьяго сословія, то увѣдомляетъ станичное правленіе.

Къ обряду омовенія, т. е., по-бурятски, „хухэ аршалаху“, приглашаютъ гостей: родныхъ, знакомыхъ и дѣтей малаго возраста, этихъ послѣднихъ одного пола съ новорожденнымъ.

Зная, сколько ламъ будетъ совершать омовеніе, приготовляютъ все необходимое къ обряду (у богатыхъ и зажиточныхъ бурятъ бываетъ до 3-хъ ламъ).

Когда наступитъ время и часъ совершить обрядъ омовенія, тогда собираются ламы и гости; послѣдніе приносятъ съ собою новорожденному, какъ на зубокъ, ремни *), шелкъ и деньги, а потомъ начинается положеніе ребенка въ зыбку: обрядъ этотъ совершаетъ повитуха; иногда буряты приглашаютъ русскихъ повитухъ, но тѣмъ не менѣе обрядъ этотъ совершается по бурятскому обычаю.

Повитуха беретъ въ правую руку „алуха“, т. е. молотокъ, и овечью кость, „шагай“, а лѣвою показываетъ на ребенка и зыбку, говоря: „алуха улэгуйсэху али хухэ улэгуйсэху?“, т. е. спрашиваетъ присутствующихъ, кого положить въ зыбку: молотокъ или ребенка.

Такой вопросъ повторяется до трехъ разъ; при послѣднемъ отвѣтѣ повитуха бросаетъ молотокъ подъ кровать, беретъ ребенка и кладетъ въ зыбку, а кость, которая была въ рукахъ съ молоткомъ, привязываетъ къ зыбкѣ; кость эта впослѣдствіи служитъ забавой ребенку.

Затѣмъ отецъ ребенка встаетъ и подноситъ повитухѣ овечью выдѣланную шкуру, въ которую она завертываетъ ребенка.

По окончаніи положенія ребенка въ зыбку, лама совершаетъ обрядъ омовенія, т. е. „аршанъ“, для чего беретъ въ чашку воды и смѣшиваетъ ее наполовину съ молокомъ, сверхъ сего посыпаетъ нѣсколько щепотокъ благовонной травы, въ составѣ которой находятся до 70 различныхъ растеній, служащихъ для куренія передъ бурханами.

Надъ этою смѣсью лама прочитываетъ молитву; возложеніемъ книги и дуновеніемъ освящаетъ содержащійся въ чашкѣ составъ, произнося заклинаніе чрезъ молитву, называемую „тарни“. Такъ происходитъ „адистидъ“, т. е. благословеніе.

При освященіи воды, которая называется „Чойгынъ-усу“, чи-

---

*) Ремень служитъ повивкой для ребенка сверхъ овчины.

таются три книги: первая изъ нихъ называется „шухуртэй“, вторая—„Дари-эхэ“ и третья—„Ширин“. Приготовленная такимъ путемъ вода служитъ для омовенія ребенка и очищенія его отъ грѣховъ, которые онъ совершилъ еще во время прежнихъ своихъ перерожденій. Лама сначала обмакиваетъ въ этой водѣ средній палецъ лѣвой руки и кладетъ младенцу на языкъ, якобы желая напоить его, потомъ наливаетъ на правую руку той же воды и омываетъ новорожденному голову, лицо, шею, руки, грудь, спину и ноги. Если ребенокъ боленъ, а тѣмъ болѣе имѣетъ на тѣлѣ сыпь, тогда лама обтираетъ ребенка павлиньимъ перомъ въ знакъ его исцѣленія.

Затѣмъ лама совершаетъ нареченіе имени по назначенію ламы-ширѣтуя и въ то же время объясняетъ родителямъ, что новорожденный будетъ находиться подъ покровительствомъ, сообразно со стихіей года, такого-то божества, которому по преимуществу долженъ покланяться и котораго долженъ чествовать во всю свою жизнь,—„Шутучжи Ябуху“, чтобы избавиться отъ могущихъ случиться съ нимъ несчастій.

Въ зависимости отъ этого опредѣленія божества является еще и указаніе масти скота, который будетъ доставлять новорожденному счастіе и богатство. Если новорожденный этотъ будетъ впослѣдствіи богатъ *), то онъ долженъ „сетэрлэху“, т. е. посвятить одну лошадь этой масти богамъ, а также мѣнять и покупать скотъ той масти, которая указана ему при нареченіи имени. Послѣ этого обряда всѣ присутствующіе встаютъ и кланяются сперва огню, а потомъ отцу ребенка, ламѣ и повитухѣ.

Отецъ въ это время дѣлаетъ поклонъ всѣмъ гостямъ и подноситъ ламѣ „хадакъ“, а повитухѣ овечью шкуру, тоже какъ подарокъ; ребенокъ все это время остается въ зыбкѣ, но не пеленается, а обвертывается въ овчину и сверху затягивается ремнемъ. Если нужно покормить ребенка, то мать наклоняется къ зыбкѣ и даетъ ему свою грудь.

Насколько я могъ узнать, назначеніе новорожденному покровителемъ извѣстнаго бурхана, какъ и указаніе масти полезныхъ ему животныхъ, находится въ постоянной зависимости отъ значе-

---

*) Мнѣ лично извѣстно, что у зажиточныхъ бурятъ водятся табуны одной масти, именно той, которая при рожденіи ему назначена.

нія года, напримѣръ: если ребенокъ родится въ годъ „эмэ-модонъ-тахянэй“, т. е. дерева и курицы, то онъ долженъ чествовать бурхана „Уснирту“ и имѣть соловую лошадь „Шаргалъ-мори“; если въ годъ „эрэ-галъ-нохой“, т. е. огня-собаки, то долженъ чествовать бурхана „Амитаба“ и имѣть „цзэрдэ-мори“, т. е. рыжую лошадь; если въ годъ „эмэ-галъ-гахай“, т. е. огня-свиньи, то долженъ чествовать бурхана „Майдари“ и имѣть „шаргалъ-цаганъ-мори“, т. е. буланую лошадь; если въ годъ „эмэ-шорой-ухэрь“, т. е. земли-коровы, то долженъ чествовать бурхана „Цэбэкъ-Аюши“ и имѣть „халзанъ-цзэрэту-мори“, т. е. рыжую съ лысиной, и т. д. Подъ каждымъ годомъ указаны геніи-хранители и масть животныхъ, а также и имена новорожденныхъ.

По времени рожденія ребенка опредѣляется время его брака, а по времени смерти—время и способъ погребенія.

У бурятъ нѣтъ женскихъ именъ, а дѣвушкамъ даютъ мужскія, обыкновенно какъ выйдетъ по книгамъ, напримѣръ: если мальчику дали бы имя Доржи, то дѣвушкѣ Дулма, или напримѣръ: если бы мальчикъ былъ Цэрэнъ, то дѣвушкѣ Цэрэнжитъ; иногда имена избираютъ сами родители, а не ламы, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда у родителей умираютъ дѣти или, по мѣстному выраженію, не живутъ или не стоятъ; тогда стараются перемѣнить имя ребенка, но только не совсѣмъ, потому что онъ по спискамъ будетъ числиться подъ тѣмъ именемъ, которое нарекли ему при омовеніи, а родительское имя остается его кличкой (среди народа), напримѣръ: даютъ имя животныхъ, какъ-то „Бухашка“, т. е. въ переводѣ поросъ, или „улэкчинъ“, въ переводѣ сучка, или „Нохошка“, въ переводѣ собака, „тулэгушка“—барашекъ; даютъ также имена, соотвѣтствующія ремесламъ, напримѣръ: „дарханъ“—кузнецъ, но когда и при этомъ умираютъ дѣти, то при послѣдующихъ родахъ снимаютъ „того“, т. е. чашу съ огня, и опрокидываютъ около роженицы, а новорожденному даютъ имя „тогочинъ“ т. е. поваръ или стряпка, или кладутъ „сухэ“, т. е. топоръ, около родильницы и называютъ „Сухэичъ“. Я много знаю случаевъ, когда буряты приглашали русскихъ въ „крестные“ къ ребенку; мнѣ приходилось продавать кресты, которые они надѣвали на ребенка, при чемъ послѣдняго называли русскимъ именемъ. Въ подобныхъ же случаяхъ часто перемѣняютъ зыбки: берутъ зыбку у тѣхъ бурятъ, у которыхъ много дѣтей и всѣ живы, а свою уничтожаютъ; бываетъ и такъ, что отдаютъ новорожден-

наго бѣднымъ сосѣдямъ, какъ будто въ дѣти, гдѣ таковой ребенокъ и воспитывается, хотя и не безъ поддержки со стороны родителей.

Послѣ 2-хъ или 3-хъ мѣсяцевъ роженица съ ребенкомъ отправляется въ дацанъ для поклоненія бурханамъ, гдѣ приноситъ по хадаку въ жертву и въ подарокъ ширѣтую. Здѣсь мать произноситъ обѣтъ объ обреченіи въ ламы своего сына, тогда ширѣтуй новорожденному и обреченному въ ламы нарекаетъ другое имя. Только до полугода мать кормитъ ребенка грудью, а послѣ 6-ти мѣсяцевъ даютъ ребенку сосать курдюкъ, т. е. сало, сваренное въ коровьемъ молокѣ, и черный хлѣбъ, размоченный въ молокѣ съ сахаромъ; послѣ года ему даютъ „хормакъ“ и „арца“.

Когда ребенокъ начинаетъ ползать, то его всегда привязываютъ кушакомъ къ кровати, чтобы онъ не могъ прикоснуться къ огню, такъ какъ у бурятъ нянекъ никогда не бываетъ, а если есть старуха свекровь, то таковая и няньчится съ нимъ.

Грамотность, религіозныя воззрѣнія и нравственность.

Грамотность среди бурятъ развита слабо, при чемъ знающихъ бурятскую грамоту больше, чѣмъ знающихъ русскую; все же стремленія къ образованію у нихъ отрицать нельзя. Каждый бурятъ старается выучить своего сына по крайней мѣрѣ читать и писать по-бурятски, но на это требуется много средствъ, потому что если мальчикъ обучается при дацанѣ, то ламы берутъ и за науку и за его содержаніе. Обученіе въ дацанѣ происходитъ лишь тогда, когда лама свободенъ, а въ остальное время ученики шатаются безъ дѣла или исполняютъ ламскія порученія, да и вообще ученикъ находится у ламы на положеніи прислуги. Если же отдаютъ мальчика въ частныя руки для обученія и тоже къ ламѣ, то и тамъ онъ живетъ вмѣсто прислуги: день весь пасетъ овецъ, и лишь вечеромъ лама, если онъ не занятъ, даетъ мальчику уроки чтенія и письма, но и это обходится не дешево.

Въ первомъ родѣ, при 200 душахъ мужескаго пола, грамотныхъ 9 человѣкъ, малограмотныхъ 35 человѣкъ; во 2-мъ родѣ на 140 душъ мужескаго пола грамотныхъ 7 человѣкъ и малограмотныхъ до 30 человѣкъ; въ 3-мъ родѣ на 623 души мужескаго пола грамотныхъ 15 человѣкъ и малограмотныхъ до 100 человѣкъ, т. е. въ общемъ грамотныхъ около 3% и полуграмотныхъ около 16%, женщины же

никогда не обучаются. Только сословіе ламъ можно считать грамотнымъ поголовно.

Обыкновенно въ ламы посвящаются съ малыхъ лѣтъ единственные сыновья зажиточныхъ родителей, у бѣдняковъ же рѣдко встрѣтишь единственнаго сына, обреченнаго въ ламы; когда у родителей много сыновей, то посвящаютъ въ ламы самаго любимаго, при чемъ главную роль въ этомъ посвященіи играетъ мать, а не отецъ; она послѣ 3-хъ мѣсяцевъ ѣдетъ въ дацанъ и тамъ объявляетъ о своемъ желаніи ширѣтую, который и записываетъ новаго ламу.

Между простыми бурятами не замѣчается особенной религіозности, когда они у себя дома, въ дацанахъ же, изъ боязни передъ ламами, буряты, въ особенности женщины, стараются казаться твердо вѣрующими. Никто изъ простыхъ бурятъ не знаетъ порядка совершенія службъ и обрядовъ, не говоря уже объ ихъ значеніи и о догматахъ вѣры; знаніе всего этого лежитъ на обязанности ламъ, которые и толкуютъ ихъ (часто произвольно). Простолюдины, да и многіе ламы, не знаютъ наизусть другихъ молитвъ, кромѣ: „Омма-ни-пад-мэ-хумъ“, но читаютъ ихъ по книгамъ; старики и старухи въ виду особаго рода поста читаютъ иногда молитву: „омъ-сар-ва-та-та-га-та-идамъ-гуру-ратна-ман-да-ла-га-нирья-да-я-ми“.

Посты соблюдаются только стариками и старухами; въ сочельники каждаго мѣсяца, т. е. наканунѣ рожденія луны, и затѣмъ 7-го, 15-го и 28-го числа, а во время хода съ бурханомъ „Аріябало“, когда служатъ молебны, посвящаютъ скотъ, и тогда постятся всѣ, у кого находится этотъ бурханъ; постъ состоитъ въ томъ, чтобы не ѣсть мяса и не пить вина, при чемъ старики молятся съ четками.

При богослуженіяхъ своихъ ламы одни только молятся, а присутствующіе буряты только смотрятъ на нихъ, ведутъ разговоры, переходятъ съ мѣста на мѣсто, считая, повидимому, что одни ламы должны за нихъ молиться—читать и пѣть.

Нѣкоторые старики и старухи, такъ называемыя шибаганцы, нѣчто въ родѣ монахинь, занимаются чтеніемъ молитвъ, по четкамъ. Молящійся беретъ нитку четокъ, т. е. корольковъ, перебираетъ ихъ между большимъ и указательнымъ пальцами правой руки и въ это же время произноситъ тибетскую молитву. Нѣсколько такихъ молитвъ мнѣ удалось записать, но только ихъ начало, а продолженія и сами чтецы не знаютъ.

Буряты чтутъ многіе русскіе православные праздники, во время которыхъ большею частью и не работаютъ; такъ, они отдыхаютъ въ день Благовѣщенія, что, конечно, объясняется вліяніемъ русскихъ, а, можетъ быть, и присущею бурятамъ лѣнью. Въ особенности они чтутъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ дня Алексѣя человѣка Божія, 17 марта, который они называютъ Алексѣй „галъ тулэху", т. е. Алексѣй огонь разложитъ. Если въ день Алексѣя было ясно и тепло, то буряты убѣждены, что будетъ хорошая весна, настанетъ тепло, и нечего будетъ бояться недостатка корма для скота.

Въ противоположность съ этимъ религіознымъ индиферентизмомъ любовь родителей къ своимъ дѣтямъ сильно развита у бурятъ. Они рѣдко наказываютъ своихъ дѣтей, питая къ нимъ жалость, даже не дѣлаютъ имъ строгихъ замѣчаній. Дѣти съ большимъ уваженіемъ относятся къ родителямъ: даже взрослыя дѣти не позволяютъ себѣ въ присутствіи родителей выразиться дерзко или оскорбительно для нихъ. Сынъ не позволитъ себѣ въ присутствіи отца выпить вина, даже въ кабакѣ; если приходится имъ вмѣстѣ быть на свадьбѣ, то и тутъ сыновья опасаются, какъ бы не увидалъ отецъ, что они пьютъ вино.

Невѣстка (если она здорова) при входѣ свекра каждый разъ должна встать, хотя бы была занята чѣмъ-либо, и свекоръ нѣсколько разъ сряду входилъ и выходилъ бы изъ юрты, пока онъ самъ не позволитъ ей сидѣть. Такой способъ выраженія своего полнаго почтенія къ свекру невѣстка употребляетъ до тѣхъ поръ, пока у нея самой дѣти не будутъ женаты.

Невѣстка не можетъ чесать свою голову при свекрѣ и, не окончивъ угощенія гостей, не можетъ выйти куда-либо. Въ юртѣ свекра она не должна въ присутствіи послѣдняго ходить къ бурханамъ, Если ей приходится наливать чай въ чашечки передъ бурханами, то все-таки она не должна подходить съ той стороны, на которой сидитъ свекоръ; сторона невѣстки считается при входѣ въ юрту направо, налѣво сторона свекра. Если же у невѣстки своя юрта, то тогда она ходитъ по обѣимъ сторонамъ, но при входѣ свекра сейчасъ же встаетъ и уступаетъ ему мѣсто съ правой стороны отъ бурхановъ.

Любовь дѣдушки и бабушки ко внукамъ выражается ласками и лакомствами; часто случается, что дѣдушка, проживая въ особой отъ сына юртѣ, пріучаетъ внучатъ жить у себя постоянно, что иногда вызываетъ ревность со стороны матери..

Буряту не воспрещается вступать въ бракъ сколько бы то ни было разъ, послѣ смерти жены; но и при жизни ея это не воспрещается: нужно лишь имѣть согласіе со стороны первой жены; при желаніи взять еще третью, бурятъ спрашиваетъ согласія все-таки у первой жены, а не у второй, первая жена считается для него какъ бы матерью, а для другихъ его женъ какъ бы свекровью.

Если жена покидаетъ мужа или мужъ жену изъ-за несогласій или по нелюбви, то они расходятся безъ суда, только съ возвращеніемъ виноватою стороной калыма; онъ и она могутъ вступить въ новый бракъ. Мнѣ извѣстенъ случай, когда мужъ, покинувъ жену, сошелся съ двумя другими, но неуживчивость и дурной нравъ заставили его снова покинуть этихъ женъ; первая же его жена тоже уже вышла замужъ, но бѣжала отъ второго супруга и вновь сошлась съ первымъ.

Такіе случаи чаще всего встрѣчаются тогда, когда невѣста бываетъ старше своего мужа лѣтъ на десять или болѣе и становится слишкомъ старой, когда мужъ ея войдетъ въ возрастъ. Теперь такіе браки стали встрѣчаться рѣже, чѣмъ прежде. Нынѣ входитъ у бурятъ въ обычай бракосочетаться убѣгомъ, чтобы не платить калыма, но это нововведеніе очень порицается стариками и старухами, которые даже не бываютъ у такихъ новобрачныхъ въ гостяхъ. Старики полагаютъ, что хотя „убѣгомъ“ бурятъ и женился, но бракъ его незаконенъ, потому что по книгамъ, можетъ быть, окажется, что онъ вступилъ въ бракъ не съ человѣкомъ, а какъ бы съ животнымъ, главное же при ихъ бракѣ не было человѣка, который приноситъ счастіе и „святость“. Теперь все чаще и чаще случается, что родители жениха знаютъ объ его намѣреніи украсть дѣвушку у такихъ-то, но изъ-за матеріальныхъ выгодъ этому не препятствуютъ.

Супружеская жизнь бурятъ не имѣетъ твердыхъ основъ; въ отсутствіе мужа жена не стѣсняется измѣнять ему, также какъ и мужъ ей. Это между ними особенно не преслѣдуется, тѣмъ болѣе, что здѣсь главную роль играютъ ламы и хувараки; но такихъ случаевъ, чтобы мужъ для пріѣзжаго гостя уступилъ свою жену, не бываетъ. Мужъ только тогда смотритъ на свою жену, какъ на измѣнницу, если она ему во время сна перерѣжетъ кушакъ; это означаетъ, что она лишила его счастія въ супружеской жизни, ибо кушакъ считается у бурятъ опояской души. Близкое знакомство съ бытомъ

бурятъ даетъ мнѣ возможность охарактеризовать, хотя отчасти, ихъ нравственный обликъ.

Бурятъ не отличается ни особенною честностью, ни совѣстливостью, при чемъ достаточно въ немъ и наглости; воровство у бурятъ даже не считается порокомъ и сдерживается единственно боязнью преслѣдованія. Убійства между ними случаются рѣдко, но это объясняется боязнью ихъ присутствовать при смерти человѣка (какъ будетъ дальше объяснено, буряты выходятъ изъ юрты, гдѣ умираетъ ихъ родственникъ, но, повидимому, не потому, что имъ нельзя быть тутъ, а лишь изъ страха смерти, внушаемаго суевѣріемъ). Такъ, при убійствѣ они считаютъ, что кровь убитаго будетъ постоянно въ глазахъ убійцы, и смерть всегда будетъ преслѣдовать послѣдняго. Если и встрѣчаются случаи убійства, то обыкновенно въ пьяномъ видѣ, хотя бы съ заранѣе обдуманною цѣлью; трезвый бурятъ тогда только можетъ совершить убійство, когда его доведутъ до крайней степени раздраженія, но почти никогда съ корыстною цѣлью; въ этихъ случаяхъ буряты стараются не убивать врага сразу до смерти, а оставляютъ его чуть живымъ, съ тѣмъ, чтобы смерть его произошла не на глазахъ у нихъ.

Къ чести бурятъ можно сказать, что между ними очень мало пьяницъ мужчинъ, а женщинъ тѣмъ болѣе; послѣднія только на свадьбахъ иногда выпиваютъ; даже когда приготовляютъ свое вино „арахи", и тогда женщины не пробуютъ его сами, мужчины хотя и употребляютъ его весьма охотно, но какъ-то не втягиваются въ пьянство; дѣтямъ своимъ буряты никогда не позволяютъ даже совсѣмъ пробовать „аракушку".

Куреніе табаку у нихъ очень развито; между ними я не видалъ ни одного, который бы не курилъ табакъ; исключеніе составляютъ ламы и хувараки, которые, взамѣнъ того, всѣ нюхаютъ табакъ; женщины тоже большею частью курятъ. Мнѣ приходилось не разъ наблюдать, что ребенку, только начавшему ходить, мать сшивала кисетъ, а отецъ дѣлалъ ганзу для забавы; мальчики начинаютъ курить уже съ трехлѣтняго возраста. У бурятъ первое угощеніе это трубка „ганза", которую они закуриваютъ и передаютъ гостю, ламы же угощаютъ другъ друга и болѣе почетныхъ гостей понюшкой табаку, передавая для этого свою табакерку. Табакъ для куренія употребляется исключительно листовой, большею частью мѣстный, въ который примѣшиваютъ сосновой коры, а какъ ню-

хательный табакъ, употребляютъ россійскую махорку, въ которую наливаютъ часто одеколону или какихъ-либо другихъ духовъ.

Домашній бытъ.

Буряты постоянной осѣдлости не имѣютъ и кочуютъ отъ 2 и до 4 разъ въ годъ, смотря по состоянію пастбищъ. Лѣтомъ перекочевываютъ на „цзусуланъ", т. е. болѣе открытое мѣсто, осенью на „намарчжанъ", на выкошенные луга; весной на „хабурчжанъ", гдѣ сохранилась ветошь для корма скота; зимой на „угульчжонъ", въ теплое защищенное отъ вѣтра мѣсто близъ водопоя.

Зимою и осенью нѣкоторые проживаютъ въ деревянныхъ зимовьяхъ, гдѣ устанавливаютъ очагъ съ чугунной плитою, а весной и лѣтомъ въ войлочныхъ юртахъ, которыя ставятся дверями на югъ. При постановкѣ юрты прежде всего ставится кругомъ деревянная рѣшетка, „хана", и накрывается сверху тоже рѣшеткой наподобіе потолка, „тана" (собств. „тоно"), подъ которую подставляютъ палки съ поперечиной „уня" (унинъ) и сверху для закрытія дымового отверстія отъ дождя „урху", все это покрывается войлоками, „ишигэ", которые выдѣлываются самими бурятами изъ овечьей шерсти, а бѣдняки покупаютъ въ Монголіи.

Когда юрта раскинута, то къ ней приставляются деревянныя двери „халыкъ" (халга) изъ внутри, а снаружи навѣшиваются войлочныя „удэ", затѣмъ вносятъ въ юрту „галъ", огонь, треножникъ, „тулуганъ", который ставится надъ огнемъ, одной ножкой къ двери, а остальными на востокъ и западъ, такъ, чтобы они не загораживали огня передъ бурханами; на этотъ тулуганъ ставятъ „того", чашу. Послѣ этого вносятъ бурхановъ и ихъ принадлежности, затѣмъ ящикъ, „обдуръ" (абдаръ), и кровать, „оро", чѣмъ постановка юрты и заканчивается.

Для скота огораживается дворъ и сарай, который покрывается соломой или камышемъ (тростникъ); для мелкаго скота плетутъ изъ тальника небольшіе сараи, которые обмазываютъ кругомъ скотскимъ пометомъ. Послѣ установки юрты иногда справляютъ новоселье, „алтанъ-гырылъ" (алтанъ-гэрэль), и затѣмъ обыденная жизнь вступаетъ въ свои права.

Буряты очень гостепріимны, и рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы въ юртахъ не побывало нѣсколько сосѣдей; ѣдущій же

издалека мимо юрты большею частью всегда завернетъ въ нес— узнать или сообщить новость и при этомъ напиться чаю.

При входѣ въ юрту посторонняго человѣка хозяева всегда уступаютъ ему мѣсто впереди, ближе къ бурханамъ.

Послѣ всякаго угощенія, хотя бы это была чашка чаю, гость всегда старается произвести отрыжку, чѣмъ показываетъ, что довольно угощенъ и сытъ; при угощеніи чаемъ или молокомъ хозяйка прежде беретъ въ поварежку, „шанага", немного чаю, наливаетъ на огонь и уже потомъ наливаетъ гостямъ, родителямъ, мужу и пьетъ сама.

Невѣстка всегда имѣетъ особую чашку, которая прячется около порога и изъ которой она моетъ руки и лицо (другіе же члены семьи умываются какъ придется). Подавая чай или вино, хозяйка обязательно прихватываетъ посуду обѣими руками. Женщина не должна сидѣть такъ, какъ мужчины, а садится, поджавъ правую ногу подъ себя, а лѣвую, согнувъ въ колѣнѣ, ставитъ такъ, какъ бы она готовилась всякую минуту встать. Главное украшеніе у женщины бурятки составляетъ головной уборъ, „татурганъ"; онъ весь состоитъ изъ коралловъ, „моржанъ", краснаго цвѣта и стоитъ отъ 100 и до 500 руб. серебромъ, затѣмъ серебряныя серьги, „сыхэ", и „шибэргэлъ", прикрѣпленной къ волосамъ, тоже съ кораллами и пуговицами въ видѣ полукруга, а отъ него вдоль по косѣ наподобіе ленты „усунэй-болто". Одежду составляетъ обыкновенная бурятская рубашка, „цамца", и панталоны, „умуду". Рубашка женщины отличается отъ мужской тѣмъ, что мужская дѣлается глухою, а женская на распашку.

Пояса на рубашкѣ никогда не носятъ, лѣтомъ одѣваются въ халатъ „тырлыкъ" (тэрликъ) а зимою въ шубу „дэлэ" (дэль), поверхъ этой одежды одѣваютъ тѣлогрѣйку, „уджи", большею частью изъ китайской шелковой цвѣтной матеріи, все это опоясывается кушакомъ, „бусэ"; на ногахъ у женщинъ всегда бываютъ своего шитья сапоги, „ирмыкъ", которые шьются изъ бѣлой сыромятной кожи, окрашиваемой въ темно-коричневый цвѣтъ, прошвы дѣлаютъ изъ ремня, который окрашиваютъ зеленымъ купоросомъ, „ногонъ-байма", на подошву ставятъ войлокъ, который пришиваютъ „шурбусомъ", а поверхъ войлока кладутъ сырую невыдѣланную скотскую кожу, которую вмѣстѣ съ войлокомъ пришиваютъ. Сапогъ бурятскій имѣетъ очень оригинальную форму: онъ безъ каблука и съ острымъ,

загнутымъ кверху носкомъ; на головѣ женщины носятъ шапки, сшитыя изъ цвѣтной китайской матеріи съ выпушкой изъ мѣха бобра или выдры, на верху шапки серебряная коническая шишка, съ коралломъ или камнемъ, и подъ ней щелковая красная кисть, „цзаланъ“.

Мужскія шапки безъ всякихъ особенныхъ украшеній, кромѣ „цзалана“, бываютъ большею частью лисьи или барашковыя, зимою буряты носятъ дохи изъ мѣха домашней козы, „ямана“, на ногахъ они носятъ ичиги, унты, а въ послѣднее время стали покупать валенки.

Главною пищей бурята служитъ мясо, особенно баранина, безъ которой буряты не могутъ существовать; хлѣба они употребляютъ очень мало и то въ видѣ прѣсныхъ лепешекъ, которыя пекутъ въ горячей золѣ; хлѣбъ пекутъ очень немногіе, такъ какъ лишь въ послѣднее время начали устраивать печи, при деревянныхъ зимовьяхъ. Изъ мяса никакихъ особенныхъ кушаній не приготовляютъ, варятъ его просто въ водѣ, прибавляя иногда немного ячменя, пшеницы или ярицы.

Бѣдняки покупаютъ очень сытыхъ лошадей на убой и питаются всю зиму кониной; не брезгаютъ они и падалью: задавленную волкомъ скотину ѣдятъ почти всѣ безъ исключенія, лишь бы она была сытая и нетухлая, оставшіяся отъ ѣды кости не бросаютъ, а варятъ ихъ цѣлый день, къ вечеру насыпаютъ въ этотъ бульонъ ячменя, и такимъ образомъ получается ужинъ; такой супъ называютъ „ясанэ-шули“ (ясунай - шулу), т. е. костяная похлебка. При убоѣ скота буряты ничего не бросаютъ изъ потроховъ, главное ихъ лакомство это кровяная колбаса, а въ особенности овечья*). Въ продолженіе всего дня буряты пьютъ чай кирпичный съ коровьимъ, овечьимъ или козьимъ молокомъ; послѣднее считается самымъ вкуснымъ; вмѣсто соли прибавляютъ въ чай „гучжиру“ для мягкости и кладутъ бѣлаго масла. Изъ молока приготовляется главнымъ образомъ масло, излишекъ котораго идетъ въ продажу, и другіе молочные продукты, какъ-то: „арца“ „таракъ“ „хормакъ“ (простокваша) и „урумъ“ (пѣнка).

Все домашнее хозяйство бурята лежитъ на женщинѣ: она шьетъ всю одежду, варитъ и стряпаетъ, колетъ дрова, ходитъ за ско-

*) Овечьи колбасы изъ крови ѣдятъ многіе русскіе.

томъ; обязанность же мужчины ограничивается лишь тѣмъ, что онъ привезетъ воды, если она далеко, и сдѣлаетъ запасъ дровъ. Жена помогаетъ во время сѣнокоса, при чемъ работаетъ не только не хуже его, а иногда даже лучше; бурятки помогаютъ мужчинамъ и и во время страды. Буряты мужчины въ общемъ являются лучшими жнецами, нежели русскіе. Всѣ бурятки окрестной Усть-Кяхты понемногу занимаются огородничествомъ; онѣ также зарабатываютъ хорошія деньги обдираніемъ коры тальника „дуба", которую они сдаютъ на кожевенные заводы.

Въ общемъ женщина работаетъ гораздо больше мужчины: на послѣднемъ лежитъ только та работа, которая исполняется при помощи лошади. На обязанности женщинъ лежитъ и приготовленіе нѣсколько разъ упоминавшейся „араки" (вина). „Араки", это—напитокъ, приготовляемый изъ кислаго молока, посредствомъ его перегонки въ самодѣльныхъ кубахъ, по крѣпости достигаетъ иногда 12°; изъ кислаго же молока приготовляется безъ перегонки „аракъ", наподобіе кумыса, который не имѣетъ крѣпости, а чаще употребляется у бурятъ какъ охладительный напитокъ, въ родѣ квасу. Въ увеселеньяхъ различнаго рода принимаютъ участіе почти исключительно одни мужчины: подростки забавляются стрѣльбой изъ лука, при чемъ выдающагося стрѣлка старики награждаютъ конфетой, или „хурутомъ" *).

Взрослые занимаются игрою въ пѣшки—„пуна табиху", ламы же или хувараки при дацанахъ—игрою въ шахматы—„шатаръ". Старики больше играютъ въ деньги въ „шагай", т. е. овечьи кости. Игра эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ участниковъ беретъ двѣ косточки и бросаетъ ихъ; если обѣ упадутъ одинаково, т. е. ямочками или бугоркомъ, то выигралъ тотъ, кто бросаетъ, если упадутъ неодинаково, то онъ проигрываетъ.

Изъ общественныхъ увеселеній извѣстны (во время „цамовъ" въ дацанахъ и у „обоновъ"): бѣга на лошадяхъ и скачки, а также борьба, при чемъ борцы часто поднимаютъ и перебрасываютъ другъ друга чрезъ плечо. За послѣднее время у бурятъ сильно развивается карточная игра, подъ названіемъ „марьяжъ". Эта игра походитъ на нашу стуколку. Хотя между бурятами и мало пѣвцовъ,

---

*) „Хурутъ" приготовляется изъ творога, который выжимаютъ, насыпаютъ въ мѣшочекъ и сверху надавливаютъ камнемъ—получается пряникъ.

но пѣніе они очень любятъ, а женщины почти всѣ поютъ,—поютъ иногда во время работъ, но чаще во время одиночныхъ поѣздокъ верхомъ.

Прежде пѣлись бытовыя пѣсни, въ видѣ разсказовъ изъ жизни какого-нибудь богача или богатыря, или изъ сочиненій какого-нибудь отшельника ламы; теперь такія встрѣтить трудно, потому что молодежь предпочитаетъ пѣсни болѣе легкаго и не всегда приличнаго содержанія. Только и слышно въ ихъ пѣсняхъ: такой-то такую-то любилъ, сильно нюхалъ *) и т. п.

Привожу здѣсь одну изъ пѣсенъ, составленныхъ бурятами табангутскаго рода, когда они бѣжали изъ Монголіи въ русскіе предѣлы, изъ княжества Сэцэнъ-хана къ русскому царю въ 1719 году.

Цэценъ-ханай хошунаса
Цэриглэксенъ цэрикъ манай
Хоиръ минга болосай.
Ундусулэксэнъ гацзаръ манай
Орхонъ Тола-инъ эхинду.
Байрилаксанъ гацзаръ манай
Багатуръ Цаганъ ханай.
Багатуръ Цаганъ хаганай
Албату оротъ больчжи
Амугуланъ-йэръ чжиргая.

Дословный переводъ:

Изъ Хошуна Цэцэнъ-хана
Отправившееся войско наше
Да достигнетъ 2000!
Наслѣдственныя земли наши—
На истокахъ Орхона и Толы.
Занятыя нами земли—
Батуръ Цаганъ хановы (русскаго царя).
Батуръ Цаганъ хана
Сдѣлавшись подданными,
Да будемъ наслаждаться въ мирѣ!

*) У буритъ поцѣлуевъ не бываетъ, а вмѣсто этого обнюхиваютъ губы, щеки и шею.

Повѣрія.

Различныхъ повѣрій у бурятъ много, также много всякихъ примѣтъ на всевозможные случаи жизни; здѣсь я приведу только тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось записать со словъ знакомыхъ бурятъ.

Если кто нечаянно уронитъ бурхана со столика, то долженъ непремѣнно служить хуралъ, иначе ему предстоитъ смерть.

Если кто, входящій въ юрту, запнется за порогъ и упадетъ, то будетъ тому благополучіе.

Если кто запнется и упадетъ, выходя изъ юрты, то будетъ несчастіе. Если въ юртѣ огонь горитъ тихо, то будутъ гости, а если съ шумомъ, то будетъ ссора.

Если изъ огня выпадетъ уголь и упадетъ къ дверямъ, то будетъ кража или потеря; чтобы предотвратить это, нужно молча бросить его въ огонь обратно.

Если топоръ, нечаянно брошенный, упадетъ остріемъ къ стѣнѣ или человѣку—быть несчастію; топоръ обыкновенно кладется остріемъ къ огню.

Если топоръ попадетъ подъ кровать—быть болѣзнямъ въ юртѣ.

Если дрова нечаянно сильно бросить въ юртѣ, то быть дракѣ.

Если, когда горитъ свѣча „хучжи", нагаръ отъ нея отпадетъ и станетъ стоймя, то будетъ гость—лама.

Если къ задней ножкѣ тагана упадетъ уголь стоймя, то будетъ гость—женщина, если налѣво—родная, а направо—чужая.

Если у коня изъ ноздрей потечетъ случайно кровь, то быть покойнику.

Если на верховомъ конѣ подъ сѣдокомъ сломается передняя деревина „бурга"—быть покойнику.

Если чрезъ повѣшанную на заборъ шубу, перескочитъ корова, то смерть тому, чья шуба. Если коровы бодались и заплелись рогами между собою—быть покойнику.

Если корова бодаетъ юрту, быть покойницѣ—хозяйкѣ.

Если собака перескочитъ черезъ юрту, то это предвѣщаетъ смерть хозяину.

Если родившійся ребенокъ упадетъ изъ утробы матери ничкомъ, то онъ скоро умретъ.

Если при выносѣ покойника изъ юрты пойдетъ дождь или снѣгъ, то будетъ благополучіе родственникамъ.

Если покойникъ передъ смертью шевелитъ пальцами, то значитъ манитъ кого-нибудь за собой.

Если отелится корова двумя телятами — быть неблагополучію; чтобы избавиться отъ таковаго, надо одного теленка заколоть на мѣстѣ, гдѣ сходятся двѣ или три дороги, и тутъ зарыть.

Если кобылица ожеребится двумя жеребятами, то быть несчастью; надо дворъ прибавить.

Если воронъ надъ дворомъ прокаркаетъ—быть несчастью. Если же инымъ звукомъ прокричитъ, то обѣщаетъ богатство.

Если сорока стрекочетъ во дворѣ передъ утромъ и вечеромъ, то предвѣщаетъ несчастье. Если сорока стрекочетъ днемъ и головой къ юртѣ, то къ благополучію.

Если встрѣтится въ пути волкъ, то будетъ несчастье. Если—заяцъ, то благополучіе.

Если ребенокъ родится съ зубомъ, то смерть будетъ матери.

Если женщина разрѣшится двойнями, именно мальчикомъ и дѣвочкой, то—къ несчастью и разоренію. Если двумя мальчиками или дѣвочками—къ богатству.

Если филинъ по ночамъ садится во дворѣ и кричитъ, то быть больному на долгое время.

Если ночью будетъ мычать корова, то будутъ воры.

Если собака воетъ на домъ—кто-нибудь умретъ. Если воетъ по направленію отъ дому — къ деньгамъ. Если собака роетъ яму и надъ ней сидитъ,—будетъ покойникъ. Если роетъ и ложится въ нее, какъ бы играя,—къ счастію. Если собака играетъ и катается по землѣ—будетъ ненастье.

Если ѣдущій по дорогѣ найдетъ волосяной „арканъ“ (веревка), быть несчастію.

Къ числу повѣрій могу отнести и обычаи, такъ называемые „сэртэй“ (по монгольски: „цэртэй“), т. е. тѣ, что̀ исполняются бурятами 6, 16 и 26 ч. каждаго мѣсяца; въ эти числа бурятъ ничего не долженъ давать или продавать изъ своей юрты, даже молока, чтобы тѣмъ не нанести ущерба хозяйству. Обычай этотъ не указанъ у нихъ въ книгахъ и сохраняется по преданію, но рѣдкій бурятъ, даже изъ наименѣе склонныхъ къ суевѣрію, рѣшится его нарушить.

Легенда. Изъ легендъ мнѣ пришлось перевести только одну:

Во время владычества одного изъ монгольскихъ князей было дано распоряженіе, чтобы старыхъ людей, достигшихъ 70 лѣтъ, уби-

вать или лишать жизни; всего чаще дѣлали это такъ: внукъ или сынъ даетъ старику или старушкѣ „хурутъ"; какъ только старецъ начнетъ его разжевывать, ему зажимаютъ носъ и ротъ съ тѣмъ, чтобы онъ задохся отъ этого; если же послѣдній сухой, то скорѣе бы подавился имъ. Такое распоряженіе, конечно, исполняли всѣ монголы.

Прошло нѣсколько лѣтъ; одинъ изъ хановъ откуда-то узналъ, что въ русскихъ предѣлахъ есть какой-то звѣрь, который былъ сперва очень малымъ, но сдѣлался потомъ великимъ. Ханъ приказалъ своимъ подданнымъ узнать—какой это звѣрь и какъ его зовутъ? Исполненіе приказанія, конечно, выпало на долю приближенныхъ хана.

Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ ханскій любимецъ, монголъ, у котораго былъ старикъ отецъ, достигшій 70-лѣтняго возраста, и по закону сынъ долженъ былъ убить его, но любовь сына къ отцу была такъ велика, что сынъ рѣшился нарушить законъ и, скрывъ своего отца, содержалъ и кормилъ въ тайномъ помѣщеніи. Когда сынъ получилъ приказъ отъ хана, то пришелъ къ отцу проститься и сказать, что ѣдетъ въ далекій край и, можетъ быть, больше его не увидитъ, при чемъ объяснилъ ему желаніе хана. Отецъ выслушалъ его и сказалъ: „дѣйствительно, есть такой звѣрь въ русской сторонѣ, но вы его не увидите, а называютъ этого звѣря „оросъ хулугуна", т. е. русская мышь; она поправилась отъ яду и выросла до самаго большого размѣра". Отецъ, провожая сына, благословилъ его и сказалъ: „когда воротишься, то скажи хану, что видѣли, дѣйствительно, звѣря, который называется оросъ хулугуна, но поймать его нельзя, потому что тебѣ, ханъ, самому за это не быть живому". Вскорѣ послѣ отъѣзда возвратились люди, посланные ханомъ, и передали, что видѣли такого звѣря, но поймать не могли и сказали ему имя этого звѣря. Ханъ то же самое видѣлъ во снѣ и потому повѣрилъ своимъ посламъ.

Вскорѣ этому хану опять приснился сонъ: будто бы ходитъ лисица „унэгэ", вся черная какъ сажа, ночью отъ нея сильный свѣтъ, и искры летятъ, когда она бѣжитъ.

Такъ какъ первый его сонъ оправдался, то ханъ повѣрилъ и второму и приказалъ приближеннымъ непремѣнно привести ему эту лисицу; если же не найдутъ ея и не приведутъ живую, то имъ всѣмъ будетъ отсѣчена голова.

Такой приказъ заставилъ всѣхъ придворныхъ задуматься, въ томъ числѣ и того сына, у котораго втайнѣ содержался отецъ.

Получивъ приказаніе, всѣ отправились на время готовить лошадей и гончихъ собакъ. Когда любимецъ хана передалъ своему отцу о полученномъ приказѣ, то старикъ далъ ему такой совѣтъ: „ступай, собери побольше табунъ, запри его на недѣлю и, давая кормъ, не давай ему пойла, и вотъ, когда исполнится седьмой день, тогда гони этихъ лошадей въ воду и смотри, которая не будетъ пить воду, а пойдетъ чрезъ рѣку. Эту лошадь постарайся поймать, она называется „хулукъ мори", т. е. „куланъ-летучій конь". Сынъ такъ и сдѣлалъ, и слова отца оправдались; всѣ табунныя лошади послѣ семидневнаго корма безъ пойла, бросились къ водѣ и остановились пить воду, только одна лошадь, съ виду самая плохая, сухая, все брела въ воду дальше и дальше, потомъ поплыла на другую сторону рѣки. Тутъ ее поймали и доставили во дворъ сына старика. Когда привели лошадь, старикъ-отецъ велѣлъ сыну ѣхать въ такую-то сторону и отыскать собаку „тайга" съ длинными ушами и съ крыльями изъ шерсти. Сынъ, выслушавъ подробно указанія, поѣхалъ въ ту сторону и нашелъ такую собаку у одного бѣднаго монгола, у котораго не было никакого скота и ничего, кромѣ этой собаки. Поэтому онъ довольно охотно согласился продать собаку, которая съ виду была чуть живая.

Наступило время выѣзда, и всѣ придворные отправились на хорошихъ и сытыхъ лошадяхъ и съ жирными собаками, а любимецъ хана на клячѣ и съ тощею собакой, при этомъ былъ и самъ ханъ и вмѣстѣ съ придворными смѣялся надъ своимъ любимцемъ, говоря, что онъ не только не догонитъ лисицы, но даже не доѣдетъ до такого мѣста, гдѣ водится лисица.

Но вотъ, наконецъ, приближается та самая гора съ лѣсомъ, на которой ханъ во снѣ видѣлъ лисицу, охотники окружаютъ гору, начинаютъ кричать, стучать, играть и пѣть, чтобы выгнать звѣря. Лишь только зашумѣли, какъ выбѣгаетъ изъ лѣсу лисица, за которою всѣ пустились бѣжать и вскорѣ скрылись, остался одинъ ханъ съ прислугой.

Прошло не болѣе сутокъ, и придворные возвращались одинъ за другимъ, а послѣдняго, который уѣхалъ на плохой лошаденкѣ, все нѣтъ. Лишь спустя недѣлю явился и онъ. Въ это время ханъ уже готовился совершить смертную казнь надъ своими приближенными,

какъ вдругъ хану докладываютъ, что пріѣхавшій послѣднимъ привелъ лисицу и проситъ хана принять его лично. Всѣ присутствующіе вмѣстѣ съ ханомъ вышли смотрѣть на этого звѣря и очень удивились, когда увидали, что дѣйствительно любимецъ хана доставилъ лисицу, несмотря на то, что имѣлъ плохую лошадь и собаку.

Придворныхъ и хана это очень заинтересовало, и было рѣшено, что если любимецъ хана не скажетъ, какъ онъ сумѣлъ выполнить трудную задачу, то его убьютъ. Когда же онъ разсказалъ все, какъ было, то послали за его отцомъ и убѣдились, что все это правда. Тогда ханъ, наградивъ обоихъ, старика взялъ къ своему двору и въ то же время издалъ приказъ не убивать отцовъ въ старческихъ лѣтахъ. Съ тѣхъ поръ и прекратился обычай убивать отцовъ.

Сватовство и бракъ.

Когда бурятъ сообщаетъ своимъ родителямъ о желаніи вступить въ бракъ, то послѣдніе стараются разобрать родословную невѣсты и какого она происхожденія, „ясу“, т. е. кости, и если съ этой стороны нѣтъ препятствія, то родители соглашаются; обыкновенно же сами родители находятъ невѣсту своему сыну.

Прежде бывало, что родители женили сына 10-лѣтняго, лишь бы взять невѣстку-работницу, а нынѣ этого почти нѣтъ; брачный возрастъ считается для дѣвушки 14 или 15 лѣтъ, а для мужчины 15 и 16. Буряты очень цѣнятъ знатность происхожденія.

Когда родители согласились на заключеніе брака своего сына, тогда отецъ жениха отправляется въ дацанъ къ ширѣтую и объявляетъ о желаніи сына вступить въ бракъ съ такою-то.

Бракъ совершается опять-таки по указанію астрологическихъ книгъ, а главнымъ образомъ обращается вниманіе на то, подъ какою планетой (звѣздой) родились женихъ и невѣста, которыя, по понятію бурятскихъ ламъ, если движутся навстрѣчу, то это уже составляетъ препятствіе къ браку, такъ какъ въ этомъ случаѣ бракъ можетъ быть несчастнымъ, а наоборотъ, если такія планеты движутся одна за другою, то это считается хорошимъ предзнаменованіемъ.

Выборъ часа, въ который невѣста должна выѣхать изъ своего дома, обусловливается положеніемъ на небѣ тѣхъ двѣнадцати свѣтилъ, которыя управляютъ жизнью каждаго человѣка; необходимо,

чтобы на путь невѣсты не бросили своихъ лучей тѣ звѣзды, подъ вліяніемъ свѣта которыхъ совершается ея несчастіе, и, напротивъ, она можетъ ѣхать только тогда, когда ей будетъ сопутствовать ея счастливая звѣзда. Только съ восходомъ этой звѣзды можно сажать невѣсту на лошадь, для отправленія къ жениху, что совершается особымъ человѣкомъ, который по годамъ приходится невѣстѣ сверстникомъ, „ибэль“.

При всѣхъ обстоятельствахъ свадебный обрядъ состоитъ въ нижеслѣдующемъ: а) въ выборѣ часа, въ который должна невѣста выѣхать изъ своего дома и пріѣхать въ домъ жениха; б) указаніи мужчины, который долженъ сажать невѣсту на лошадь; в) въ опредѣленіи масти лошади, на которой невѣста должна ѣхать, и г) въ указаніи приносящаго счастіе и святость человѣка, который долженъ перевести невѣсту чрезъ порогъ жениховой юрты.

Для примѣра опишу нѣсколько подобныхъ указаній.

Для невѣсты, родившейся въ года „Эрэ-тумуръ-лу“, „Эмэ-тумуръ-могой“ и въ „Эрэ-усунъ-мори“, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ „Эмэ-усунъ-хони“, т. е. для родившейся невѣсты въ года: желѣза-дракона, желѣза-змѣи и воды-коня, а человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ воды-овцы.

Для невѣсты, родившейся въ года „Модонъ-бичи“, „Модонъ-тахя“ и въ годъ „Галъ-нохой“, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ „Эмэ-галъ-гахай“, т. е. для невѣсты, родившейся въ года: дерева-обезьяны, дерева-курицы и въ годъ огня-собаки, а человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ огня-свиньи.

Для невѣсты, родившейся въ года „Шара-хулугуна“, „Шара-ухэръ“ и въ годъ „Тумуръ-барсъ“, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ „Тумуръ-тулай“, т. е. для невѣсты, родившейся въ года: земли-мыши, земли-коровы и въ годъ желѣза-барса, а человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ желѣза-зайца.

Для невѣсты, родившейся въ года „Усунъ-лу“, „Усунъ-могой“ и въ годъ „Модонъ-мори“, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ „Модонъ-хони“, т. е. для невѣсты, родившейся въ года воды-дракона, воды-змѣи и въ годъ дерева-коня, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ

годъ дерева-овцы; для невѣсты, родившейся въ года: „Галъ-бичи“, „Галъ-тахя“ и въ годъ „Шорой-нохой“, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ годъ „Шорой-гахай“, т. е. для невѣсты, родившейся въ года: огня-обезьяны, огня-курицы и въ годъ земли-собаки, человѣкъ, приносящій счастіе и святость, есть родившійся въ года земли-свиньи.

Такимъ образомъ, человѣкъ, приносящій счастіе и святость невѣстѣ, можетъ быть найденъ по астрологическому указанію.

По подобнымъ же указаніямъ соображаются ламы и въ назначеніи времени брака, дня и часа, всей брачной церемоніи, но непремѣнно съ тѣмъ, чтобы все это согласовалось съ временемъ рожденія жениха и невѣсты. Получивъ отъ ширѣтуя заявленіе, что бракъ совершенъ будетъ по астрологическому указанію безпрепятственно, отецъ жениха возвращается домой и ѣдетъ къ родителямъ невѣсты. Когда начнется разговоръ о сватовствѣ, невѣста изъ юрты выходитъ на улицу и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не окончится сватовство. Когда послѣдуетъ согласіе съ обѣихъ сторонъ, тогда отецъ жениха вынимаетъ изъ-за пазухи „хадакъ“ и подноситъ его бурхану, предъ которымъ молится стоя, а родители невѣсты сидятъ на своихъ мѣстахъ. Окончивъ моленіе, сватъ садится вмѣстѣ съ родителями невѣсты, и они начинаютъ договариваться насчетъ калыма, который долженъ приготовить женихъ до свадьбы и послать къ невѣстѣ.

Калымъ приготовляется въ количествѣ до 101 головы разныхъ животныхъ, напримѣръ: лошадей, коня и кобылицы, рогатаго скота, быка и коровы и мелкихъ животныхъ—„иргэна“ и „барануху“, „хуцана и ямануху“, т. е. овецъ и козъ съ матками. Корову и кобылицу считаютъ за 2 головы каждую, овцу и козу за три головы каждую, а самцовъ этихъ животныхъ каждаго за одну голову.

Въ то же время уговариваются и относительно того, готовить ли приданое невѣсты пополамъ или родителямъ одной невѣсты; въ послѣднемъ случаѣ женихъ платитъ больше калыму. У состоятельныхъ бурятъ за невѣстой даютъ юрту со всѣми принадлежностями, затѣмъ шубы и другую одежду.

Окончивъ переговоры, вырядивъ калымъ, сваты угощаются только чаемъ, чѣмъ и заканчивается сватовство. Когда будетъ собранъ скотъ и приготовленъ весь условленный калымъ, то со стороны жениха предлагаютъ отцу невѣсты получить таковой.

Въ день выдачи калыма, назначаемый также по книгамъ, приглашаютъ съ обѣихъ сторонъ ламъ для совершенія молитвъ; читая молитвы въ юртахъ жениха и невѣсты, ламы выражаютъ брачущимся пожеланія полнаго счастія и благополучія.

Съ обѣихъ сторонъ приглашаютъ родственниковъ, кромѣ женщинъ (эти послѣднія не присутствуютъ при полученіи калыма). Дождавшись назначеннаго часа, со стороны невѣсты выѣзжаютъ гости для полученія калыма, а со стороны жениха для встрѣчи ихъ; обѣ партіи встрѣчаются около юрты жениха, къ которой подъѣзжаютъ уже вмѣстѣ.

По пріѣздѣ къ жениху гости не сходятъ съ лошадей, пока не услышатъ вопросовъ: откуда? куда ѣдете и зачѣмъ? Пріѣзжіе отвѣчаютъ: „Буху хултэй мори, будунъ эбыртэй шара, агуланъ чинэгэ маха идэя, нагурунъ чинэгэ архи агуя плджи ирилэ би“, т. е. коней съ крѣпкими ногами, быковъ съ толстыми рогами поймать, мяса ѣсть съ гору, вино пить съ озеро,—на что отецъ жениха и родные отвѣчаютъ: „Цзубъ ноинъ — ургутъ барія бэлэнъ“, т. е. вѣрно, высокіе гости, просимъ, все готово.

Когда пріѣхавшіе сходятъ съ лошадей и садятся на улицѣ около юрты въ кружокъ, женихъ беретъ въ правую руку „аракъ“ т. е. кумысъ или кислое молоко, съ чашкой, на которую повѣшаны два „хадака“, а въ лѣвую—чашку съ виномъ и подноситъ къ старшему гостю все, что имѣетъ въ рукахъ; гость въ это время спрашиваетъ: „тутъ что такое?“ Женихъ ему отвѣчаетъ: „Оролсанъ боро арилдакъ: прэсэнъ альчинъ буцадакъ“, т. е. дождь идетъ, пройдетъ: пріѣзжіе гости уѣдутъ,—потому и подноситъ двѣ чашки съ кумысомъ и виномъ и два „хадака“, первую для угощенія, а вторую на прощаніе; такое угощеніе женихъ подноситъ каждому изъ гостей, сколько бы ихъ ни было (у состоятельныхъ бываетъ до 50 человѣкъ), т. е. всѣмъ по двѣ чашки и два „хадака“. Послѣ этого обносятъ гостей чаемъ, а потомъ угощаютъ мясомъ и виномъ.

Но прежде чѣмъ угощать мясомъ, подносятъ старшему изъ гостей, „хадынъ-туру“ (человѣкъ, замѣняющій тысяцкаго, таковые бываютъ съ обѣихъ сторонъ), сначала овечью голову, получивъ которую, хадынъ-туру обрѣзываетъ у нея уши, губы и всѣ мягкія части, а потомъ возвращаетъ обратно тому, кто ее подалъ.

Иногда приглашаютъ особаго человѣка для угощенія; онъ дол-

женъ знать, какъ подать мясо и кость, напримѣръ: если подносятъ ребровую часть, то таковая должна находиться на блюдѣ нижнимъ концомъ къ гостю, а не верхнимъ, также и другія кости должны подноситься гостямъ нижними частями, а не верхними.

Когда подававшій получитъ голову обратно, то снимаетъ у ней черепъ, втыкаетъ въ мозгъ овечье ребро и подноситъ обратно тысяцкому; тотъ принимая, беретъ мозгъ ребромъ и подаетъ сидящему рядомъ, если это кто-нибудь изъ стариковъ, а если нѣтъ, то возвращаетъ подавшему. Послѣ этого слѣдуетъ круговое угощеніе мясомъ, во время котораго тысяцкій, съ той же стороны, приноситъ свое вареное мясо и вино и угощаетъ такимъ же образомъ гостей съ жениховой стороны.

Такая гулянка затягивается долго, гости остаются ночевать, а по утру принимаютъ калымъ, и затѣмъ женихъ съ гостями, пріѣхавшими за калымомъ, отправляются къ родителямъ невѣсты. Когда прибудетъ женихъ съ калымомъ, родители невѣсты встрѣчаютъ его, приглашаютъ въ юрту и принимаютъ калымъ. Невѣста въ это время не бываетъ дома, она или уходитъ къ сосѣдямъ, или уѣзжаетъ къ своимъ подругамъ *), затѣмъ приглашаютъ родныхъ, изъ улуса и сосѣдей, принять участіе въ гулянкѣ.

Собравшіеся гости угощаются чаемъ и виномъ, а потомъ убиваютъ одну скотину или овцу изъ принятаго калыма, и угощеніе продолжается; женихъ, родные и гости его остаются тутъ ночевать.

На другой день утромъ родители невѣсты подносятъ жениху подарки, какъ-то: шубу, шапку, кушакъ и сапоги и въ то же время на улицѣ подводятъ ему осѣдланную лошадь; принявъ подарки, женихъ тутъ же одѣвается въ новую дарственную одежду и, поблагодаривъ за таковую, садится на лошадь и уѣзжаетъ домой съ гостями; этимъ заканчивается передача калыма.

Незадолго до свадьбы невѣста должна побывать у родныхъ своихъ и подругъ, приглашая ихъ на свадьбу, а послѣдніе дарятъ ее при этомъ шалями, платками, а если родные состоятельные, то и скотомъ. Въ это время готовится все ея приданое, а главное „хупъ-хунчжилъ“, т. е. одѣяло; приготовивъ таковое и все при-

*) Просватанная невѣста старается прятаться отъ жениха, гдѣ бы таковой съ нею ни повстрѣчался, что продолжается до самаго брака.

даное для отправки, назначаютъ день и приглашаютъ гостей, исключительно женщинъ, съ которыми мать невѣсты ѣдетъ къ жениху и везетъ ему приданое; приданое сдаетъ мать невѣсты, а мать жениха принимаетъ.

Когда установятъ юрту и уложатъ все приданое, сваты идутъ въ юрту и угощаются. Мать невѣсты здѣсь ночуетъ, а утромъ, послѣ угощенія, ей даютъ на дорогу нѣсколько кирпичей чаю и мяса.

Во время этого свиданія сваты вырѣшаютъ предварительно вопросъ о времени свадьбы. Потомъ родители жениха и невѣсты вмѣстѣ ѣдутъ въ дацанъ къ ширѣтую, которому по прибытіи подносятъ по хорошему „хадаку“ и денегъ и въ то же время просятъ назначить день совершенія брака дѣтей ихъ.

Узнавши подробно родство жениха и невѣсты и астрологическія указанія, ширѣтуй назначаетъ время вѣнчанія письменно, чрезъ посредство ламы. Разрѣшеніе на вѣнчаніе получается чрезъ 4 или 15 дней, а иногда чрезъ мѣсяцъ, смотря по тому, какъ выйдетъ по астрологическимъ указаніямъ.

Получивъ предварительное разрѣшеніе, сваты возвращаются домой въ ожиданіи ламы и распоряженія ширѣтуя. Когда получится его распоряженіе, лама ѣдетъ совершать брачный обрядъ.

За день или за два до свадьбы невѣста дѣлаетъ вечеринку, „наданъ“, на которую съѣзжаются многіе посторонніе и незваные. На этой вечеринкѣ часто происходятъ драки, ссоры и бываетъ много пьяныхъ; женихъ часто уводитъ какую-нибудь дѣвку, а невѣсту беретъ какой-нибудь другой, и всѣ молодыя пары расходятся по различнымъ угламъ, громкіе пѣсни и крики раздаются въ ночное время на нѣсколько верстъ отъ улуса, и вечеринка продолжается до самаго утра.

При обрядѣ бракосочетанія читаются молитвы только тѣмъ бурханамъ, въ года которыхъ родились женихъ и невѣста. По окончаніи чтенія молитвъ подруги невѣсты, находящейся въ особой юртѣ, окружаютъ невѣсту, плачутъ и стараются ее спрятать.

Когда наступитъ часъ („цакъ“), въ который нужно выѣзжать къ жениху, то одинъ изъ мужчинъ, сверстникъ невѣсты, входитъ въ юрту, гдѣ находится невѣста съ подругами, и выводитъ ее на улицу, чтобы ѣхать. Когда онъ выходитъ изъ юрты, подруги хватаются за невѣсту и, пряча ее за себя, не даютъ вывести. Тогда

приходится каждую дѣвицу отрывать отъ невѣсты силой и прямо выбрасывать на улицу. Мнѣ приходилось быть очевидцемъ этой церемоніи, когда подругъ было больше двадцати; посланный за невѣстой до того трудился, выбрасывая подругъ на улицу, что, когда освободилъ невѣсту, былъ весь въ поту, несмотря на то, что, стояли декабрьскіе морозы. Когда невѣста освобождена, подруги всѣ разбѣгаются со смѣхомъ, а посланный за руки ведетъ невѣсту прямо къ лошади, а за ними слѣдуетъ одна изъ родственницъ, держа въ рукахъ бурхана, „манухо-шири-хото", высоко прикрѣпленнаго на палкѣ; женщина везетъ его на верховой лошади до юрты жениха. Невѣсту везутъ или верхомъ, или въ телѣгѣ на лошади той масти, которая ей слѣдуетъ при рожденіи, при томъ на телѣгѣ накрываютъ ее одеждой, цвѣта соотвѣтственнаго масти лошади, или по крайней мѣрѣ привѣшиваютъ на шубу маленькій лоскутокъ такого цвѣта. Позади невѣсты садится человѣкъ, который держитъ ее всю дорогу закрытою. Если невѣсту везутъ на верховой лошади, то завязываютъ „хадакомъ" глаза, а другой человѣкъ ведетъ лошадь въ поводу. Эта покрышка служитъ будто бы для того, чтобы невѣста не могла возвратиться обратно отъ мужа, ибо она не видѣла дороги, по которой ее увезли къ жениху. За невѣстой отправляются всѣ остальные; не доѣзжая нѣсколько саженъ до юрты жениха, всѣ останавливаются и изъ этой партіи выбираютъ нѣсколько человѣкъ, все равно, сколько — лишь бы только не было четнаго числа; такая партія людей, называемая „Буханда-ороху", (что значитъ „пороза искать поѣхали"), уѣзжаетъ впередъ, а невѣста и остальные дожидаются на мѣстѣ или куда-нибудь заѣзжаютъ.

Выборныхъ встрѣчаютъ въ юртѣ жениха и спрашиваютъ, кого ищете? тѣ отвѣчаютъ: Буханда ороху, т. е. пороза ищемъ: тогда ихъ просятъ садиться, и они усаживаются на улицѣ въ кружокъ; старшему подносятъ большую чашку *) съ виномъ и спрашиваютъ какого пороза ищете? гости отвѣчаютъ: „Алтанъ эбэртэй, мунгунъ соётэй, мунгунъ турутай, долонъ насутай, буха бэдэрчжи байна", т. е. съ золотыми рогами, серебряными клыками, серебряными копытами семилѣтняго пороза ищемъ. Тогда подносятъ эту же большую деревянную чашку и спрашиваютъ: не этотъ? Гости всѣ въ

*) Чашка очень большой величины, наподобіе миски.

голосъ „мунъ! мунъ! мунъ!“, т. е. онъ, онъ, онъ. Тогда гости должны пить всѣ постольку чашекъ вина, сколькихъ лѣтъ порозъ, котораго они искали; на этотъ случай между бурятами выбираютъ людей, которые могли бы больше выпить вина и были бы по возможности трезвыми, но никто, конечно, не сходитъ съ мѣста трезвымъ, а большею частью тутъ же всѣ и сваливаются.

Когда заканчивается это угощеніе, съ жениховой стороны выѣзжаютъ встрѣчать невѣсту; мужчины по правую сторону, а женщины по лѣвую. На мѣстѣ, гдѣ происходитъ встрѣча, раскладываютъ огонь и угощаютъ чаемъ, только не сходя съ лошадей; пробывъ тутъ не болѣе четверти часа, всѣ идутъ къ жениху (у состоятельныхъ бурятъ при этой церемоніи бываетъ до сотни гостей).

Когда подъѣдутъ къ юртѣ, которая была привезена отъ невѣсты, сходятъ съ лошадей, и, по указанію астрологіи, одинъ изъ нихъ подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ въ юрту, а за ней несутъ привезеннаго съ собой бурхана; затѣмъ нѣсколько женщинъ изъ родни невѣсты входятъ въ юрту, сажаютъ невѣсту на кровать и занавѣшиваютъ ее платьемъ, которымъ она была покрыта.

Теперь отыскиваютъ человѣка, который бы могъ коснуться головы невѣсты для расплетанія косы. Этотъ человѣкъ долженъ быть выбранъ тоже по астрологическому указанію, но такъ какъ иногда эта роль выпадаетъ на малаго ребенка, то его подносятъ къ головѣ невѣсты, онъ хватается ручонками за волосы, что и считается достаточнымъ для „усу задлаху“, т. е. расплетанія косы.

Затѣмъ одна изъ близкихъ родственницъ невѣсты беретъ подносъ или корзинку, въ которую наложено угощеніе, какъ-то: „хурутъ“, конфеты и проч., и уходитъ въ юрту къ матери жениха, которой подносятъ это угощеніе; принявъ таковое, свекровь подаетъ на подносѣ гребень и шелковыя завязки, съ которыми приходившая возвращается въ юрту невѣсты; этимъ гребнемъ расчесываютъ голову невѣсты, снова заплетаютъ, какъ полагается замужней женщинѣ, и одѣваютъ ее. Затѣмъ прикрываютъ голову, вводятъ въ юрту свекра; здѣсь въ присутствіи ламы, свекра, свекрови и многихъ другихъ лицъ снимаютъ съ нея покрывало, которымъ было закрыто ея лицо и голова; невѣста кланяется огню, бурханамъ, ламѣ, свекру и свекрови, а потомъ всѣмъ остальнымъ.

Въ это время входитъ въ юрту человѣкъ, приносящій невѣстѣ счастіе и святость, по указанію ламы. При входѣ его въ юрту

невѣста у порога стелитъ ему подъ ноги новый войлокъ, на который становится съ нимъ рядомъ, и они молятся бурханамъ; лама или его замѣститель, читаетъ „ирölъ“, во время чего невѣста встаетъ и подаетъ приготовленное ранѣе большое корыто съ вареным мясомъ, при которомъ должна быть цѣлая голова отъ этого животнаго, по большей части овцы. Принявъ это приношеніе, человѣкъ, приносящій счастье и святость, выходитъ изъ юрты, а за нимъ невѣста, которая беретъ изъ своей юрты „хучжи“, т. е. свѣчи, и возвращается опять обратно въ юрту свекра, въ то же время входитъ за ней и женихъ; тутъ оба новобрачные ставятъ свѣчи бурханамъ и поклоняются имъ, а затѣмъ кланяются всѣмъ присутствующимъ, потомъ садятся на тотъ же войлокъ у порога, невѣста по правую сторону, а женихъ по лѣвую. Тогда начинается брачный обрядъ: лама читаетъ „ирölъ“, который состоитъ изъ восьми стиховъ, и по окончаніи каждаго стиха невѣста поклоняется огню; въ этихъ стихахъ заключается: похвала огню, бурхану, привѣтствіе гостямъ, повиновеніе властямъ, восхваленіе невѣсты съ пожеланіемъ ей благополучной супружеской жизни, о дарованіи дѣтей, приплода скота и чистоты въ юртѣ.

„Ирölъ“ у нашихъ бурятъ, живущихъ, въ окрестности Усть-Кяхты, почти никогда не читаютъ ламы, а по большей части кто-либо изъ почетныхъ бурятъ; такъ, въ ясачномъ сословіи читаетъ Арадна Цыденовъ, а въ казачьемъ—Мунку Буиновъ. При исполненіи обряда этихъ людей не зовутъ по имени, а называютъ „Бакши“, т. е. учитель. При исполненіи этого обряда имъ даютъ два „хадака“, надѣвая ихъ на плечи, а подъ нею подстилаютъ бѣлый „талбокъ“, затѣмъ начинается чтеніе „ирölа“, которое производится устно, а не по книгамъ:

„Начало этого обряда относится къ тѣмъ временамъ, когда святой повелитель Чингисъ-ханъ и прочіе ханы, а равно и ихъ данники, привозили невѣстъ отъ далекихъ чужихъ неродственныхъ очаговъ, совершали „ирölы“ при посредствѣ важныхъ особъ, устраивали большіе пиры; теперь, слѣдуя этимъ примѣрамъ и старымъ обычаямъ, отцы и матери соединились въ своихъ намѣреніяхъ, испросивъ одобреніе у всѣхъ родственниковъ, и, получивъ указаніе отъ верховныхъ мудрецовъ, приготовили прекрасные дары и привезли эту дѣвушку.

Ее отправилъ въ путь ея ибэль по лѣтамъ, и прибыла она по

волѣ въ счастливый часъ, исполненный превосходныхъ предзнаменованій.

Въ настоящемъ мѣстѣ чрезвычайной радости эту дѣвушку встрѣтилъ человѣкъ, приносящій счастіе и святость, онъ перевелъ ее чрезъ большой высокій порогъ. Пришелъ женихъ, и теперь посадили ихъ обоихъ на урочное мѣсто, заставивъ ихъ нелицемѣрно преклонить колѣна предъ всѣмъ, что составляетъ предметъ чествованій нашихъ."

Во время чтенія „прёла" читающій послѣ каждаго стиха льетъ на огонь масло, а невѣста поклоняется таковому, и во время этого свекровь подноситъ невѣстѣ кусокъ масла, который она принимаетъ, раздѣляетъ пополамъ, держитъ въ обѣихъ рукахъ и попеременно бросаетъ въ огонь. Затѣмъ новобрачнымъ подается баранья ляжка, которую они держатъ оба правою рукой; послѣ этого невѣста ляжку уноситъ съ собою въ свою юрту, какъ подарокъ отъ свекрови, первенствующій же продолжаетъ читать „прёлъ" и подливать масла на огонь. Во время этого чтенія „прёла" съ трудомъ можно оставаться въ юртѣ, такъ какъ отъ возліянія масла на огонь поднимается страшный дымъ, и пламя достигаетъ до верху юрты.

Окончивъ этимъ обрядъ вступленія въ бракъ, молодые мужъ и жена встаютъ и кланяются всѣмъ въ ноги, начиная съ поклоновъ огню и т. д. Затѣмъ выходятъ изъ юрты жениха и идутъ въ юрту новобрачной; при входѣ туда всѣ находящіеся гости съ невѣстиной стороны переходятъ въ юрту свекра, потомъ свекоръ и свекровь осматриваютъ приданое, а невѣста въ это время подноситъ свекру въ подарокъ шубу. Послѣ этого всѣ гости садятся, и начинается угощеніе. Молодыхъ угощаютъ сперва тѣмъ мясомъ, которое невѣста уже подавала человѣку, приносящему ей счастіе и святость; затѣмъ угощаютъ виномъ, приговаривая:

Высокіе настоящіе начальники, сваты,
На горныхъ вершинахъ снѣгъ идетъ,
Вокругъ вершинъ ледъ замерзаетъ,
Дождь идетъ, перестаетъ,
Пріѣзжіе гости уѣзжаютъ.
Вы всѣ подарки берите,
Ночуйте, баранье мясо ѣшьте,

Проднюйте, коровье мясо кушайте;
Корова-стародойка недоится,
Медвѣдь лежитъ въ гнѣздѣ,
Палку держимъ, дворовую собаку науськаемъ.

Главное угощеніе у бурятъ составляютъ мясо и вино; угощеніе сопровождается пѣніемъ пѣсенъ до самой поздней ночи. Послѣднее время на свадьбу буряты всегда покупаютъ „ханшинъ" (китайская водка), который разводятъ водой. Послѣ ухода гостей родственники расходятся по своимъ юртамъ; мать невѣсты до трехъ дней остается у зятя, какъ бы пріучая свою дочь раньше поутру встать и итти въ юрту свекра, развести тамъ огонь и варить чай. Когда всѣ встанутъ, то *молодуха* обязана наливать чай родителямъ, потомъ мужу и себѣ, но предварительно должна сдѣлать поклоны огню, отцу и матери, а потомъ мужу. По прошествіи трехъ дней зять провожаетъ свою тещу домой.

Невѣстка не должна выходить никуда изъ дому, пока къ ней не придетъ отецъ, который никогда не участвуетъ на свадьбѣ въ одинъ выѣздъ съ дочерью, онъ или ѣдетъ впередъ, когда ѣдутъ искать пороза, а большею частью послѣ свадьбы на 3-й или 4-й день. По пріѣздѣ послѣдняго опять происходитъ гулянка, и невѣстка, встрѣчая гостей и своихъ подругъ, съ которыми гуляла, будучи дѣвицей, каждой подругѣ и гостю подноситъ подарки, подобные тѣмъ, какіе ей дарили во время посѣщеній передъ свадьбой. Роднымъ молодая подстилаетъ платки при входѣ ихъ въ юрту, а чужимъ подаетъ въ руки, ламамъ же подстилаетъ „олбокъ". Послѣ отъѣзда своего отца, молодые отправляются по гостямъ, чѣмъ и заканчивается брачный обрядъ.

Болѣзни бурятъ.

По мнѣнію бурятъ, многія болѣзни насылаются нечистою силой, напримѣръ, „цзоликъ гаргаху", т. е. нечистаго выгнать, называютъ лѣченіе людей, одержимыхъ такою болѣзнью. Лама, разспросивши паціента, заявляетъ родственникамъ, что въ такомъ-то больномъ сидитъ злой духъ, „цзоликъ"; чаще всего такіе больные заявляютъ, что чувствуютъ себя во снѣ находящимися гдѣ-нибудь въ степи или въ лѣсу.

При лѣченіи „цзолика" и поступаютъ такъ: на лѣвой сторонѣ

юрты разстилаютъ двѣ овчины, бѣлую и черную, и на нихъ садятъ больного, а впереди его ставятъ чучело того самаго „цзолика“, надъ которымъ будетъ совершено заклинаніе.

Чучело это приготовляется непремѣнно тѣмъ ламой, который будетъ совершать обрядъ; оно дѣлается изъ соломы наподобіе человѣка, съ головой, руками и ногами, и одѣвается, въ платье больного такого цвѣта, какой по своему общественному положенію онъ носилъ чаще. Когда приготовленъ „цзоликъ“ и больной посаженъ на черную овчину, то лама приготовляетъ девять дощечекъ, на которыхъ нарисовано изображеніе „Эрлика“ т. е. судіи мертвыхъ, затѣмъ беретъ девять черныхъ и девять бѣлыхъ камешковъ.

Отъ черной овчины, къ правой стѣнѣ юрты, разстилаютъ кошму, чаще всего бѣлую или сѣрую, а за ней садится лама, совершающій обрядъ; лама изъ приготовленной ранѣе земли дѣлаетъ поперекъ этой кошмы девять дорожекъ (земля для этого случая берется съ девяти горъ, со дна большой рѣки и съ могилы какого-нибудь покойника), и у каждой дорожки ставится дощечка съ изображеніемъ „Эрлика“.

Обрядъ начинается чтеніемъ отрывковъ молитвъ, изъ такъ называемыхъ „девяти главныхъ причинъ смерти“, которымъ соотвѣтствуютъ девять земляныхъ дорожекъ.

Послѣ чтенія каждаго стиха лама бросаетъ сперва черный камешекъ въ „цзолика“, чтобы черная стрѣла смерти „поразила его“, а потомъ бѣлымъ камнемъ въ больного, которому этимъ какъ бы подаетъ „бѣлый свѣтъ жизни“. Послѣ каждаго стиха и бросанія камешкомъ надъ каждою дорожкой лама произноситъ „тарпи“, а больной встаетъ и перешагиваетъ чрезъ одну дорожку, говоря: „Нигэ дабага дабаба нигэ ухулъ эцэ гарба“ (одинъ хребетъ перешелъ, одну смерть миновалъ); такъ продолжается, пока больной не перейдетъ всѣ девять дорожекъ, послѣ чего онъ возвращается обратно къ своему мѣсту, гдѣ сидѣлъ при началѣ заклинанія, но садится уже не на черную овчину, а на бѣлую; потомъ подходитъ къ нему лама, беретъ „цзолика“, произнося трижды „торпи“ оборачиваетъ „цзолика“ противъ солнца надъ головою больного; затѣмъ наклоняетъ его къ лицу больного, а послѣдній три раза плюетъ въ „цзолика“.

Послѣ всего этого лама бросаетъ „цзолика“, котораго берутъ

хавураки или другіе ламы и несутъ дальше въ степь, гдѣ сожигаютъ его. При этомъ лама произноситъ „тарни“, прискакивая, прищелкивая пальцами и часто хлопая въ ладоши; а потомъ надъ больнымъ сейчасъ же совершаетъ окропленіе „аршаномъ“ (водой), чѣмъ и заканчивается этотъ обрядъ.

Затѣмъ бываетъ еще такое лѣченіе: у честнаго и хорошаго человѣка душа выходитъ изъ тѣла еще за три года до смерти; такой человѣкъ бываетъ боленъ, ничего не пьетъ, не ѣстъ и не имѣетъ силъ. Душа же его находится въ какомъ-нибудь другомъ человѣкѣ или въ животномъ. Чтобы возвратить душу, надъ больнымъ производится чтеніе молитвъ и служеніе, „гурумъ“. Это дѣлается такъ: сажаютъ больного около бурхановъ и привязываютъ однимъ концомъ шелковой красной нитки за его безымянный палецъ лѣвой руки, а другой конецъ оставляютъ свободнымъ, пропуская его на улицу сквозь пролетъ надъ дверью; затѣмъ читаютъ молитвы до тѣхъ поръ, пока больной сначала не заплачетъ, а потомъ засмѣется, сдѣлавшись веселымъ и здоровымъ, при этомъ вѣрятъ, что душа, ушедшая отъ больного человѣка входитъ обратно по ниткѣ чрезъ палецъ въ его тѣло.

По тибетской медицинѣ извѣстно бурятамъ, а въ особенности ламамъ и хуваракамъ, что всѣхъ болѣзней четыреста четыре, и что ими одержимъ бываетъ каждый человѣкъ. Наименованіе этихъ болѣзней трудно собрать, такъ какъ ламы, а въ особенности лѣкаря, никогда не объясняютъ ихъ.

Большею частью лѣкаря объясняютъ больному или его родственникамъ, что больного хватилъ „хій“, т. е. вѣтеръ, который бываетъ отъ простуды и отъ нечистаго.

Между бурятами, рѣдко наблюдается чахотка, равно какъ и воспаленіе мозга. Мнѣ никогда не приходилось слышать или видѣть такихъ больныхъ, хотя буряты всѣ безъ исключенія въ лѣтнее время ходятъ, не прикрывая своей головы, хотя бы былъ самый знойный день; это объясняется тѣмъ, что, буряты имѣютъ очень толстый черепъ.

Самою обыкновенною болѣзнью у бурятъ является ревматизмъ; послѣ 50 лѣтъ у нихъ уже отказываются служить ноги, не разгибается спина, а затѣмъ скоро теряется и зрѣніе, вѣроятно, отъ постояннаго сидѣнія въ дымныхъ юртахъ.

Изъ эпидемическихъ болѣзней у нихъ чаще наблюдается оспа.

которая, разъ появившись, не минуетъ ни одного бурята. Оспы они не прививаютъ, хотя у нихъ и есть оспенный ученикъ, но его почти никогда не зовутъ, а самъ онъ за этимъ не слѣдитъ.

Инородческое начальство на оспопрививаніе смотритъ, какъ на излишнія хлопоты. Вѣроятно, буряты подвержены и заболѣванію другими заразными болѣзнями, но о послѣднихъ я не имѣю точныхъ свѣдѣній. Вообще взрослые буряты хворають довольно рѣдко, чего нельзя сказать о дѣтяхъ, у которыхъ всего чаще встрѣчаются заболѣванія различными сыпями при сильномъ „халунѣ", т. е. жарѣ, родимцемъ или судорогами. При повышеніи температуры буряты обертываютъ больныхъ дѣтей китайскою „дабой", вымоченною въ водѣ, въ которой прокипячена „задачка", или въ горячемъ молокѣ; этотъ компрессъ не снимается съ ребенка, пока не сгоритъ полсвѣчи, „хучжи", а у взрослаго цѣлая „хучжа"; послѣ снятія компресса ребенокъ недостаточно оберегается отъ простуды. За послѣднее время появлялась такъ-называемая „холай-убучинъ", т. е. горловая болѣзнь; ламы не различаютъ болѣзней: свинку, крупъ и скорлатину; при такихъ болѣзняхъ также кладется согрѣвающій компрессъ, но онъ большею частью бываетъ изъ сухой тряпки, намазанной саломъ, сверхъ которой накладывается шерстяной чулокъ; внутрь же при скарлатинѣ даютъ „задачки" для пониженія температуры.

Смерть, обрядъ погребенія и загробная жизнь.

Если у бурятъ въ юртѣ находится больной въ безнадежномъ состояніи, то родственники немедленно обращаются къ ламѣ съ просьбою пріѣхать къ больному. Видя же приближеніе кончины, всѣ стараются выйти изъ юрты, оставляя у постели умирающаго лишь одного ламу; лама все время, пока больной находится въ сознаніи, старается напутствовать его полезными совѣтами относительно загробной жизни, читаетъ ему молитвы и объясняетъ, что именно должна встрѣтить и испытать душа по разлученіи съ тѣломъ. Больной нѣкоторыя слова молитвы повторяетъ за ламой и со вниманіемъ слушаетъ его наставленія, какъ явиться на судъ, претерпѣть испытанія и быть послѣдователемъ Будды.

Вотъ слова этого наставленія:

„Когда духъ твой разстанется съ этимъ бреннымъ тѣломъ, онъ ясно сознаетъ тѣ три основныхъ зла, на которыхъ зиждутся всѣ наши пороки; предъ нимъ предстанутъ всѣ его грѣховныя дѣянія.

всѣ тѣ грѣхи, которые служатъ препоною къ возвышенію его въ будущемъ, ты будешь ужасаться и вскрикивать; мгновенно тебѣ будетъ казаться въ небѣ послѣдовательно одинъ за другимъ необычный и лучезарный свѣтъ пяти буддъ. Не страшись и не пугайся этого свѣта, но молись предъ нимъ. Среди этого свѣта будетъ находиться бурханъ „Бирузана", блистающій и имѣющій синеватый цвѣтъ; а затѣмъ покажется мгновенно другой, не издающій лучей, бѣловатый свѣтъ тэнгріевъ. У тебя явится чувство неудовольствія къ свѣту „Бирузаны", и съ радостью ты будешь смотрѣть на него. Но знай, что этотъ послѣдній свѣтъ есть свѣтъ невѣжества; онъ-то и есть препона, заграждающая путь къ спасенію, и не стремись къ нему страстно; при этомъ тебѣ нужно сказать такой „ирölъ": „Бирузана", обладающій лучезарно-синеватымъ свѣтомъ духовной премудрости, когда буду я возраждаться въ очирламъ, соизволь возвысить и спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода". Когда скажешь этотъ „ирölъ", тогда свѣтъ „Бирузаны" скроется наподобіе радуги, а съ нимъ и послѣдній свѣтъ, тогда появится другой величественный и лучезарный бѣлый свѣтъ бурхана „Акшоби", а на ряду съ нимъ придетъ другой адскій свѣтъ, опять не издающій лучей и имѣющій цвѣтъ дыма. Снова явится у тебя непріятное чувство къ свѣту „Акшоби", и почувствуешь ты влеченіе къ этому второму адскому свѣту. Этотъ послѣдній свѣтъ является послѣ гнѣва, онъ заграждаетъ путь къ спасенію, и ты не долженъ стремиться къ нему, иначе возродишься въ аду и будешь испытывать мученія адскихъ существъ. Тогда молись къ бурхану „Акшоби" и скажи такой „ирölъ": „Акшоби, обладающій бѣлымъ свѣтомъ премудрости, ясной какъ зеркало, когда буду я возраждаться въ очирламъ, соизволь возвысить меня и спасти". Послѣ этого „ирöла" свѣтъ „Акшоби" долженъ будетъ скрыться. На смѣну его, съ лѣвой стороны отъ того мѣста, гдѣ видѣлся свѣтъ „Бирузаны", покажется новый лучезарно-желтый цвѣтъ бурхана „Ратна-Самбавы", а на ряду съ нимъ явится голубоватый человѣческій свѣтъ. Отвратившись отъ желтаго свѣта „Ратна-Самбавы", ты почувствуешь влеченіе къ голубоватому человѣческому свѣту. Но знай, что этотъ свѣтъ является послѣ гордости и заграждаетъ путь къ спасенію, а потому не стремись къ нему; иначе ты возродишься между людьми и будешь испытывать ихъ страданія."

Перечисливъ умирающему страданія людей, съ момента ихъ рожденія, лама совѣтуетъ ему отвратиться и отъ этого свѣта и сказать „ирölъ“: „Ратна-Самбавы, обладающій яснымъ желтымъ цвѣтомъ непоколебимой премудрости, когда я буду возрождаться, спаси меня“. Послѣ этого съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ „Акшоби“, появится нестерпимо блестящій красный свѣтъ бурхана „Амитабы“, а наряду съ нимъ желтый свѣтъ „Бирузаны“. Этотъ свѣтъ является послѣ сладострастія, онъ заграждаетъ собою путь къ спасенію и влечетъ за собою возрожденіе въ царствѣ „бирптовъ“. Чтобы отвратиться отъ него, скажи такой „ирölъ“ „Амитабѣ“: „Амитаба, обладающій яснымъ краснымъ свѣтомъ премудрости, вѣдающій все до мельчайшихъ подробностей, когда я буду возраждаться въ „Очирланѣ“, то спаси меня. Наконецъ по правую сторону отъ этого послѣдняго свѣта появится лучезарный зеленый свѣтъ бурхана „Амогасидди“, а вслѣдъ за нимъ красноватый свѣтъ „Асуріевъ“. Этотъ послѣдній свѣтъ является по силѣ зависти, онъ заграждаетъ собою путь къ спасенію, не стремись къ нему, иначе возродишься въ странѣ удручаемыхъ битвами „Асуріевъ“. Молись тогда свѣту „Амогасидди“ и скажи такой „ирölъ“: „Амогасидди, обладающій зеленоватымъ свѣтомъ премудрости, когда буду я возраждаться въ „Очирланѣ“, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня отъ утесовъ промежуточнаго періода.“ Затѣмъ лама говоритъ больному: „Слушай и не забывай все это! А когда минуютъ всѣ эти видѣнія въ отдѣльности, то вслѣдъ засимъ они явятся всѣ вмѣстѣ, расположившись въ такомъ порядкѣ: въ срединѣ будетъ синеватый свѣтъ бурхана „Бирузаны“, на восточной сторонѣ — бѣлый свѣтъ „Акшоби“, на южной — желтый свѣтъ „Ратна-Самбавы“, на западной — красный свѣтъ „Амитабы“ и на сѣверной—зеленый свѣтъ бурхана „Амогасидди“. Вокругъ ихъ расположатся лучезарные свѣта „Хормусты“ повелителя тэнгріевъ ближидари — повелителя „асуріевъ“, „Шигэмуни“ — повелителя „человѣковъ“, „кэбирма“ — повелителя „бирптовъ“ и „Эрликъ-хана“, повелителя ада.

Вмѣстѣ со всѣми этими свѣтами появятся исиздающіе лучей: *бѣлый* свѣтъ „тэнгріевъ“, *красный* свѣтъ „асуріевъ“, *синій* свѣтъ людей, зеленый свѣтъ животныхъ, дымчатый свѣтъ ада и желтый свѣтъ „бирптовъ“. Тогда ты почувствуешь тяготѣніе къ этимъ шести свѣтамъ; но не стремись къ нимъ, такъ какъ эти свѣта явля-

ются по силѣ пристрастія къ предметамъ міра матеріальнаго; если ты допустилъ развиться въ своемъ духѣ любви къ нимъ, то возродишься въ одной изъ странъ матеріальнаго міра, ты долженъ молиться свѣту бурхановъ и сказать такой „пролъ“: „представленіе предо мною Будды пяти родовъ и всѣ прочіе владыки, обладающіе пятью родами премудрости, когда буду возрождаться въ „Очирланѣ“, вознесите меня, спасите меня“. Когда ты произнесешь такой „пролъ“, то каждый свѣтъ скроется въ сердце своего бурхана, и сами они исчезнутъ подобно радугѣ, а ты исполнишься святости. Но если ты увлечешься однимъ какимъ-либо грѣховнымъ свѣтомъ, забудешь сдѣлать „пролъ“, тогда полное полученіе святости для тебя будетъ уже невозможно. Въ такомъ случаѣ помни наставленіе и примѣчай тѣ явленія, которыя покажутся тебѣ послѣ явленія свѣтовъ бурхановъ. Если покажется тебѣ озеро, на которомъ увидишь плавающихъ гусей, то это признакъ, что возродишься ты, на „улэмчжи бэѣту тибѣ“ — на островѣ, обитаемомъ великанами; если покажется какой-нибудь прекрасный городъ, то это признакъ, что ты возродишься въ „цамбутибѣ“—островѣ, населенномъ людьми. Если покажется тебѣ озеро съ людьми, лошадьми и другими домашними животными, то это признакъ, что возродишься ты на „ухэръ эдлэхачи тибѣ“,—островѣ, привольномъ для рогатаго скота; если покажется тебѣ озеро съ коровами или покрытое фруктовыми деревьями, то это признакъ, что ты возродишься на „магу дагуту тибѣ“— островѣ, гдѣ слышится зловѣщій голосъ; если покажется тебѣ дворецъ, украшенный различными драгоцѣнностями, то это признакъ, что ты возродишься у тэнгріевъ; если покажутся тебѣ пещеры, скалы, рвы и пр., то это признакъ, что ты возродишься среди животныхъ; если покажется тебѣ короткая головня, это признакъ, что ты возродишься у баритовъ; если послышатся тебѣ насмѣшки или покажется мрачный домъ, красный домъ, густая степь или черная терпистая дорога, это признакъ того, что ты возродишься въ аду. Теперь ты знаешь всѣ эти примѣты и если уже не пріобрѣтешь святости, то старайся пробудить въ себѣ стремленіе къ возрожденію въ царствѣ человѣковъ, такъ какъ всѣ остальныя перерожденія влекутъ за собою неисчислимыя страданія“.

Таковы наставленія, даваемыя ламой умирающему буряту въ томъ случаѣ, если послѣдній находится въ сознаніи, при томъ лама читаетъ три книги: „Майдарійнъ дамчжай“, „Минтингыйнъ токтолъ“ и „Гун-

дэлэгыйнъ заракъ", въ которыхъ содержатся покаянныя молитвы для спокойствія духа больного, и приводитъ разсказъ о торжественной клятвѣ Майдари не допускать души до трехъ злополучныхъ перерожденій, и въ то же время передаетъ умирающему молитву, написанную на бумагѣ, какъ бы билетъ, называемую „дототнутъ". Эта молитва по смерти больного увозится съ его тѣломъ на кладбище и вѣшается вмѣстѣ съ мани подъ могилой. За неимѣніемъ переводчиковъ, я заимствовалъ наставленіе умирающему всецѣло изъ труда профессора Позднѣева.

Когда больной умираетъ, лама одѣваетъ его и кладетъ на извѣстное мѣсто.

Изъ родственниковъ никто не можетъ безъ вреда для себя и для будущности покойнаго прикоснуться къ нему, а тѣмъ болѣе ухаживать за нимъ и убирать его; для этого нуженъ человѣкъ посторонній, который вполнѣ безопасно можетъ приближаться къ трупу.

Раздѣвши мертвеца, лама всю одежду, какая была около него и на немъ, выноситъ на улицу, послѣ чего совершаетъ „аршанъ", омовеніе тѣла покойника, и одѣваетъ на него штаны, рубаху, а на ноги чулки, приготовленные для этого, а поверхъ всего надѣваетъ саванъ, бѣлаго, желтаго или зеленаго цвѣта, сшитый наподобіе куля или мѣшка, но съ рукавами; саванъ этотъ бываетъ длиною до пятокъ.

Одѣвши покойника въ саванъ, лама обертываетъ ему лицо и обѣ руки „хадаками", кладетъ его на правый бокъ, головой къ бурханамъ, лицомъ къ огню (подъ него подстилается новый войлокъ, а подъ голову кладется подушка, набитая сѣномъ или соломой). Правую ногу покойника вытягиваютъ, а лѣвую въ колѣнѣ сгибаютъ, правую руку кладутъ подъ щеку такъ, чтобы мизинцемъ заткнуть правую ноздрю, а среднимъ и безыменнымъ пальцами придавить правый глазъ, лѣвую руку вытягиваютъ по бедру до самаго глаза.

Буряты всегда дорожатъ такою позой; если кто изъ умирающихъ приготовитъ себя такъ самъ, то онъ считается достойнымъ царствія духовъ, потому именно, что, по свидѣтельству монгольскихъ книгъ, въ такой позѣ скончался Шигэмуни; буряты называютъ ее „арсалангынъ хэбтэлгэ", т. е. такъ происходитъ лежаніе льва.

Послѣ всего этого лама кладетъ покойнику на голову молитву

„дототнутъ“ *); изъ юрты выносятъ кровать, на которой не позволяется умирать покойнику, ее даже выносятъ раньше, пока не умретъ больной, и ставятъ на улицѣ за юртой, а на это мѣсто, гдѣ была кровать, переносятъ покойника, котораго завѣшиваютъ „тырлыкомъ“, т. е. халатомъ, для того, чтобы не было видно покойника входящему въ юрту, а, главное, родственникамъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ одинъ изъ родственниковъ отправляется въ дацанъ къ ширѣтую и сообщаетъ ему о смерти больного и о томъ, кто приготовлялъ его, и въ то же время проситъ его совершить погребеніе и указать, какіе хуралы должно служить надъ нимъ, въ какой день и часъ можно хоронить и въ какую сторону должно его внести и, наконецъ, какъ должно быть совершено погребеніе.

Узнавши обо всемъ этомъ, посланный возвращается и готовитъ все, что нужно для погребенія. Лама читаетъ надъ покойникомъ хуралы (чтеніе производится только днемъ).

Кромѣ ламы, читающаго въ юртѣ, является еще другой необходимый лама, который отправляетъ хуралъ по книгѣ Соносоготъ внѣ юрты и время отъ времени обходитъ юрту покойника съ кадильницею, „сангэй-бойпоръ“; назначеніе совершаемыхъ ими чтеній и обрядовъ—отгонять злыхъ духовъ какъ отъ трупа, такъ и отъ живущихъ въ улусѣ его родственниковъ. Такія чтенія совершаются обыкновенно вплоть до самаго выноса и его погребенія, что бываетъ весьма различно по времени: у бѣдныхъ покойниковъ хоронятъ по большей части на другой день по смерти, а болѣе состоятельные держатъ у себя трупы своихъ родныхъ дня три, четыре и даже до семи. Вообще на указаніе дня, въ который должно хоронить покойника, ламы не претендуютъ, но непремѣнно подъ ихъ руководствомъ опредѣляется, въ которомъ часу должно выносить умершаго изъ дома, въ какую сторону нести его и какимъ образомъ совершить погребеніе.

Гробъ дѣлается исключительно изъ дерева, форма его ничего особеннаго не представляетъ; длиною гробъ дѣлается по росту покойника, ширина его вездѣ одинакова, его сколачиваютъ гвоздями, стараясь по возможности сдѣлать плотнымъ, чтобы не проникало солнце, а самъ лишь бы чуть держался.

*) Эту молитву нѣкоторые старики покупаютъ въ дацанахъ еще при жизни своей.

Когда наступитъ и день и часъ погребенія, является изъ дацана штатный лама и другіе, по приглашенію родственниковъ покойнаго.

Тогда штатный лама входитъ молча въ юрту съ другими ламами, снимаетъ занавѣску надъ покойникомъ, т. е. халатъ, которымъ онъ былъ завѣшенъ, и начинаютъ совершать моленія: первое произносятъ надъ водой, которую освѣщаютъ, какъ „аршанъ", и этою водой обливаютъ покойника поверхъ всей одежды съ произнесеніемъ „тарни", затѣмъ надъ покойнымъ совершается отпѣваніе съ троекратнымъ возгласомъ: „ом-а-хумъ", а затѣмъ куреніе изъ „сангэй-бойпоръ", т. е. кадильницы. Послѣ этого вносятъ въ юрту гробъ и кладутъ въ него покойника; положеніе совершаютъ ламы и хувараки, а родственники и посторонніе не входятъ въ юрту. Уложивъ покойника въ гробъ въ той же позѣ, какъ былъ онъ приготовленъ, гробъ закрываютъ и заколачиваютъ гвоздями, а на дворѣ въ это время готовятъ любимую лошадь покойнаго, которая выводится на улицу изъ двора, осѣдлывается и привязывается къ столбу.

По повѣрію бурятъ, въ то время, когда выносятъ покойника изъ юрты, душа умершаго садится на лошадь и ѣдетъ въ царство духовъ, т. е. „дэ вачжинъ"; лошадь привязываютъ головой на юго-западъ, ибо тамъ есть царство, въ которомъ наслаждаются души усопшихъ.

Когда покажется гробъ съ покойникомъ, лошадь тотчасъ разсѣдлываютъ и пускаютъ въ поле (на ней поѣхала душа), а сѣдло снимаютъ и отдаютъ ламѣ; лошадь послѣ 49 дней уводится въ дацанъ, какъ поминовеніе объ умершемъ, и оставляется въ пользу дацана.

Когда штатный лама, а за нимъ и всѣ остальные выходятъ на улицу, то подшимаютъ одинъ край юрты, именно съ той стороны, съ которой вышло по книгѣ выносить покойника *), оттуда и выносятъ гробъ, ставятъ его на телѣгу головой къ лошади и привязываютъ веревкой.

По точнымъ астрологическимъ указаніямъ предписывается покойника, умершаго въ цакъ Барса, выносить изъ дому въ цакъ Бичи, т. е. умершаго въ часъ барса выносить въ часъ обезьяны.

*) У бурятъ никогда не выносятъ покойника въ двери.

Покойника, умершаго въ цакъ Тулай, выносить изъ юрты въ цакъ Тахя, т. е. умершаго въ часъ зайца выносить въ часъ курицы.

Покойника, умершаго въ цакъ Лу, выносить изъ юрты въ цакъ Нохой, т. е. умершаго въ часъ дракона выносить въ часъ собаки.

Покойника, умершаго въ цакъ Могой, выносить изъ юрты въ цакъ Гахай, т. е. умершаго въ часъ змѣи выносить въ часъ свиньи.

Покойника, умершаго въ цакъ Мори, выносить изъ юрты въ цакъ Хулугуна, т. е. умершаго въ часъ лошади выносить въ часъ мыши.

Покойника, умершаго въ цакъ Хони, выносить изъ юрты въ цакъ Ухэръ, т. е. умершаго въ часъ овцы выносить въ часъ коровы.

Покойника, умершаго въ цакъ Бичи, выносить изъ юрты въ цакъ Барса, т. е. умершаго въ часъ обезьяны выносить въ часъ барса.

Покойника, умершаго въ цакъ Тахя, выносить изъ юрты въ часъ Тулай, т. е. умершаго въ часъ курицы выносить въ часъ зайца.

Покойника, умершаго въ цакъ Нохой, выносить изъ юрты въ цакъ Лу, т. е. умершаго въ часъ собаки выносить изъ юрты въ часъ дракона.

Покойника, умершаго въ цакъ Гахай, выносить изъ юрты въ цакъ Могой, т. е. умершаго въ часъ свиньи выносить въ часъ змѣи.

Покойника, умершаго въ цакъ Хулугуна, выносить изъ юрты въ цакъ Мори, т. е. умершаго въ часъ мыши выносить въ часъ лошади.

Покойника, умершаго въ цакъ Ухэръ, выносить изъ юрты въ цакъ Хони, т. е. умершаго въ часъ коровы выносить въ часъ овцы и т. д.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ Барса и Тулай, считается хорошимъ и счастливымъ погребенье, какъ для умершаго, такъ и для остающейся семьи его, если выносъ изъ дома происходитъ на восточную сторону.

Самое худшее, если совершенъ выносъ покойника изъ юрты по какимъ-либо обстоятельствамъ на западъ: тогда смерть не прекратится въ домѣ его родственниковъ.

Всѣхъ этихъ правилъ и придерживаются ламы.

На телѣгу съ покойникомъ никто не садится, на нее кладутся только принадлежности погребенія. Ламы и всѣ присутствующіе, а также и родственники-мужчины ѣдутъ на кладбище верхомъ, женщины никогда не провожаютъ покойниковъ; одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго ведетъ въ поводу лошадь, на которой находится гробъ съ покойникомъ, до кладбища пѣшкомъ; если далеко, то ѣдетъ верхомъ.

Въ юртѣ, послѣ покойника, тотчасъ же принимаются выметать и непремѣнно золотарничнымъ вѣникомъ, особенно то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, и соръ выбрасываютъ далеко въ ровъ; послѣ этого производится окуриваніе какъ внутри юрты, такъ и снаружи и чтеніе молитвъ однимъ изъ ламъ, который остается приготовить все, что нужно для церемоніи по возвращеніи съ кладбища.

Пріѣхавъ на кладбище, всѣ сходятъ съ лошадей; одинъ изъ родственниковъ подходитъ къ ламѣ и проситъ его указать мѣсто для могилы и въ то же время подносятъ ламѣ хадакъ, присоединяя къ послѣднему иногда и денегъ. Мѣсто для покойника играетъ тоже не малую роль. Если много дадутъ денегъ ламѣ на выкупъ могилы, то онъ отводитъ мѣсто выше въ горѣ, а если мало, то ниже. Кладбище всегда бываетъ у бурятъ на южномъ склонѣ, у самой подошвы горы, и называется по-бурятски „ухэйрпнъ-гацзаръ“, т. е. мѣсто умершихъ. Лама, получивъ вознагражденіе, отправляется по кладбищу отыскивать мѣсто „хуръ“, т. е. могилу: найдя его, лама призываетъ остальныхъ, и всѣ садятся кругомъ: начинается чтеніе молитвъ; по окончаніи чтенія приносятъ съ телѣги, гдѣ лежитъ покойникъ, войлокъ и двѣ овчины; лама беретъ войлокъ и стелетъ его на землю, гдѣ нужно быть могилѣ—положеніе могилы бываетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ,—поверхъ войлока баранью голову, овечью невыдѣланную шкуру, а въ ноги яманью, козью; эти шкуры должны быть черной шерсти, при чемъ если бы даже и не нашлось во всемъ улусѣ черныхъ шкуръ, то таковыя окрашиваются.

Послѣ этого лама очерчиваетъ кругомъ войлока землю трижды съ произношеніемъ молитвы рогомъ „оп“'а, т. е. сайги.

Рогъ этотъ бываетъ до трехъ четвертей длиною, на него повѣшены хадаки, сверху мѣдное кольцо, за которое привязаны другія принадлежности, какъ-то: маленькій желѣзный молотокъ, нѣсколько

желѣзныхъ гвоздей, четыре палочки, на подобіе кольевъ, одна стрѣла, выкрашенная красною краской, къ которой привѣшены шелковые хадаки пяти цвѣтовъ, которая называется „мэлэхэй ясу“, т. е. лягушечья кость. Эти принадлежности имѣютъ у себя всѣ штатные ламы. По очерченному мѣсту натягиваютъ мотаузъ, потомъ снимаютъ войлокъ за углы, встряхиваютъ его надъ землей, а лама втыкаетъ въ землю четыре колышка по угламъ, заколачиваетъ ихъ молоткомъ, а въ средину ставитъ стрѣлу, затѣмъ производитъ чтеніе молитвъ, по окончаніи которыхъ приносятъ лопаты и начинаютъ копать могилу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ войлокъ, стояли колья и стрѣлы; войлокъ и овчины поступаютъ ламѣ въ его пользу; могилу копаютъ родные и присутствующіе; она бываетъ очень неглубока—лишь бы покрылась землею крышка гроба.

Когда готова могила, лама беретъ въ руки бонбонъ; бонбоны эти, числомъ пять, стеклянные, наподобіе банки, а у богатыхъ мѣдные, закупориваются въ деревянные ящики и зарываются въ землю подъ гробомъ; въ нихъ находится: по угламъ въ четырехъ бонбонахъ шерсть и молоко животнаго, а въ пятомъ моржанъ, камни, часть золота и серебра, послѣдніе замѣняются мишурой, алтанъ-са и мунгунъ-са и бумажный бурханъ „манцзу-шири“. Этотъ бонбонъ закапывается въ средину, гдѣ стояла стрѣла, шерсть и молоко берутъ отъ тѣхъ животныхъ, которыя пойдутъ въ поминовеніе и за погребеніе ламамъ; бонбоны эти служатъ подаркомъ хозяину земли „манцзу-шири“.

Приготовивъ такимъ образомъ могилу, всѣ—родственники, ламы и присутствующіе—отправляются къ лошади, снимаютъ гробъ съ телѣги, открываютъ крышку, чтобы не положить покойника обратною стороной, и бросаютъ въ гробъ „хучжи“ *), нѣкоторыя даже и съ огнемъ, затѣмъ закрываютъ гробъ крышкой, поднимаютъ и несутъ къ могилѣ. Здѣсь всѣ берутся за гробъ, лишь бы коснуться его рукой или пальцемъ, „ясу-бариху“, т. е. подержать покойника за кость, потомъ спускаютъ въ могилу, всѣ присутствующіе зарываютъ его лопатами и ногами.

Гробъ кладется такъ, чтобы покойникъ лежалъ головой на сѣверо-западъ и лицомъ обращенъ былъ на юго-западъ.

По угламъ ставятъ четыре палки, на которыя вѣшаютъ изъ миткалю пяти цвѣтовъ „мани“, т. е. молитвы.

*) Китайскія свѣчи, которыя зажигаютъ предъ бурханами

Послѣ погребенія покойника, всѣ садятся на лошадей и отправляются въ юрту, гдѣ былъ покойникъ; при возвращеніи съ кладбища назадъ не оглядываются, чтобы не умереть.

По пріѣздѣ къ юртѣ покойнаго, слѣзаютъ съ лошадей и идутъ къ огню; оставшійся лама долженъ разложить этотъ огонь именно тамъ, гдѣ выйдетъ по книгамъ, затѣмъ приготовить воду, „ортонъ", произвести куреніе и чтеніе хураловъ; всѣ провожающіе покойнаго обмываютъ руки и полощутъ ротъ приготовленною водой, которую выливаютъ на землю, а сами въ это время переходятъ чрезъ огонь, чтобы очиститься.

При этомъ читается одинъ очистительный и охранительный хуралъ отъ смерти, цѣль котораго охранить оставшуюся въ живыхъ семью отъ несчастій, могущихъ быть навѣянными духомъ покойника.

Читаемая при этомъ обрядѣ молитва непремѣнно исполняется въ присутствіи всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя участвовали при погребеніи умершаго. Вотъ ея краткое содержаніе:

Поклоняюсь манцзу-шири!

Несчастія, ниспосылаемыя свыше отъ владыкъ семи гаракъ отъ 27 звѣздъ и отъ тэнгріевъ; несчастія, наводимыя снизу владыками различныхъ мѣстностей и урочищъ, во главѣ которыхъ стоитъ Тэсъ-ханъ; восемьдесятъ тысячъ препятствій, триста шестьдесятъ демоновъ, четыреста четыре болѣзни и несчастія, наводимыя ада-ми, альбанами и читкурами; всѣ эти несчастія вообще да отрѣшатся отъ обитателей этого дома.

Ты, преданный владыкѣ смерти—Эрлику, не отнимай отъ насъ добродѣтель и счастіе, но соблаговоли пожаловать ихъ намъ! Самъ ты уходи туда, вдаль!

Не уноси добродѣтель и счастіе твоихъ родителей (послѣ этого всѣ присутствующіе возглашаютъ: „хурай, хурай!". Слово хурай означаетъ призваніе счастія и выражается только въ томъ случаѣ, если покойный былъ отецъ семьи или мать, а другимъ этихъ словъ не произносятъ).

Не уноси добродѣтель и счастіе твоихъ старшихъ и младшихъ братьевъ (всѣ: „хурай, хурай!").

Не вырывай изъ нашихъ рукъ, подай намъ добродѣтель и счастіе „падъ", охраняющее отъ эрлика, альбиновъ и прочихъ (всѣ: „хурай, хурай!").

Если же не дашь ты счастіе и святость по звуку страшныхъ

„тарни“ „падъ“, то да разлетится твоя голова на сто частей силою заступничества трехъ драгоцѣнностей!“

Сверхъ того:

„Добродѣтель и счастіе низшихъ тенгріевъ (всѣ: „хурай, хурай!“), добродѣтель и счастіе низшихъ хановъ драконовъ (всѣ: „хурай, хурай!“), добродѣтель и счастіе Бисманъ тэнгри и ракшасовъ (всѣ: „хурай, хурай!“). Да повстрѣчаютъ насъ всякіе случаи всесовершеннаго довольства всѣхъ одушевленныхъ существъ трехъ міровъ (всѣ: „хурай, хурай!“).

Да упрочится въ нашей средѣ счастіе (всѣ: „хурай, хурай!“)“ *).

Эта очистительная и охранительная отъ покойника молитва читается непремѣнно послѣ всякаго погребенія; но мы уже говорили, что бываютъ случаи, когда покойникъ умираетъ съ явными несчастными признаками для живущихъ. Въ такомъ случаѣ ламы опредѣляютъ, кому именно грозитъ это несчастіе, чтобы во-время принять противъ него должныя мѣры, при чемъ руководствуются астрологическими указаніями, именно:

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ собаки и свиньи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ дракона и коровы и особенное несчастіе принадлежитъ къ году овцы, и т. д.

Когда совершатъ этотъ послѣдній хуралъ, входятъ въ юрту и садятся пить чай. Если покойникъ умеръ въ лѣтнее время и долго лежалъ, то юрту иногда переносятъ на новое мѣсто, а если онъ умеръ отъ заразительной болѣзни, то не только переносятъ юрту, но даже перекочевываютъ на другое мѣсто, хоть и недалеко. Послѣ чаепитія ламы читаютъ молитвы для спокойствія души родственниковъ, а родственники въ это время выносятъ одежду покойнаго и загоняютъ скотъ, который пойдетъ за поминовенія и за погребеніе ламамъ. Когда ламы окончатъ чтеніе, тогда родные покойнаго назначаютъ изъ его имущества вознагражденіе ламамъ. Старшему ламѣ лучшее, а младшему поплоше. Буряты, ревнуя о загробной жизни, съ большою охотой платятъ ламамъ за поминовеніе души умершаго.

Затѣмъ уже начинаются собственно поминки, т. е. угощеніе мя-

*) Этотъ очистительный хуралъ имѣетъ сходство съ хураломъ, приведеннымъ у проф. Позднѣева.

сомъ, виномъ и т. д., послѣ чего ламы и хувараки разъѣзжаются по домамъ.

По просьбѣ родственниковъ одинъ изъ ламъ остается совершать поминовеніе по покойномъ; это поминовеніе продолжается до 49 дней, а у бѣдныхъ лишь до 7 и до 21 дня.

По закону, должны поминать 49 дней, такъ какъ душа покойнаго послѣ смерти находится въ какомъ-либо животномъ: въ птицѣ, гадахъ, рыбахъ и т. п., а поэтому нужно ее уготовить въ царство духовъ Дэвачжинъ, гдѣ наслаждаются усопшіе и переходятъ въ благоуханный цвѣтокъ.

По понятіямъ бурятъ, душа умершаго выходитъ изъ тѣла у нѣкоторыхъ въ верхушку головы, ноздри или чрезъ задній проходъ; этотъ послѣдній случай исхожденія души узнается еще до смерти, именно, если больной потерялъ сознаніе и находится въ страшной агоніи.

Про такого больного говорятъ: „Сунэсу-хуйсэнэсъ дошо оротчо", т. е. душа ушла ниже пупа, и она не можетъ сподобиться царствія духовъ и суда „Эрлика". Буряты очень боятся, если у покойника остались открытые глаза и ротъ, это означаетъ, что пасть смерти не закрыта.

„Эрликъ"—владыко смерти и судья душъ умершихъ бурятъ, и ищетъ еще жертвъ послѣ такого покойника; на третій день послѣ похоронъ служатъ хуралы, чтобы не было еще покойника въ юртѣ и даже у сосѣдей.

Назадъ тому не болѣе десяти лѣтъ буряты совсѣмъ не зарывали покойниковъ въ землю. Если гробъ такого покойника разломаетъ звѣрь (волкъ), то этотъ покойникъ считается достигшимъ царствія духовъ. Бывало такъ, что лама во время погребенія какого-нибудь бурята, увидѣвъ гробъ ранѣе погребеннаго нетронутымъ, самъ постарается сбросить крышку съ гроба. Теперь власти требуютъ, чтобы гроба зарывать, но это не исполняется, приходится еще видѣть бурятскіе гроба на поверхности земли.

Дурнымъ предзнаменованіемъ считается для живыхъ также, если умирающій во время своей болѣзни сожалѣлъ объ имуществѣ, нажитомъ имъ, бранилъ и укорялъ семью за плохой уходъ и лѣченіе, такъ какъ послѣ смерти такого больного, семья непремѣнно вся разорится и перемретъ. Если больной потерялъ сознаніе, но передъ смертью пришелъ въ себя, то это очень хорошее предзнаменованіе какъ для его души, такъ и для семьи.

На третій или четвертый день послѣ погребенія буряты совершаютъ по покойникѣ такъ называемыя „таралганъ“—горячія поминки; такое поминовеніе бываетъ даже у самыхъ бѣдныхъ, которые не дѣлали первыхъ поминокъ.

Поминовеніе умершихъ совершается ежедневно въ самомъ даданѣ въ цаганъ-саръ, т. е. въ бѣлый мѣсяцъ.

Надъ самоубійцами и умершими отъ заразныхъ болѣзней такихъ обрядовъ и поминовеній не бываетъ; такихъ бросаютъ даже въ другое мѣсто, лишь бы не находился на общемъ кладбищѣ.

Понятія бурятъ о загробной жизни довольно неопредѣленны и сбивчивы; ламы знаютъ, конечно, больше, но не трудятся вразумлять простонародье, воззрѣнія котораго можно формулировать слѣдующимъ образомъ: если умираетъ человѣкъ праведный, твердый въ вѣрѣ и не нарушавшій закона, то душа его идетъ прямо въ царствіе „Дэвачжинъ“, гдѣ она вѣчно наслаждается, находясь въ неувядаемомъ благоуханномъ цвѣткѣ; если же умершій былъ грѣшникомъ, то душа его тотчасъ послѣ смерти поступаетъ на судъ къ „Эрлику“, побѣдителю ада, который въ продолженіе 49 дней обсуждаетъ поступки умершаго; въ это время буряты стараются больше поминать умершаго и молиться за него, чтобы смягчить наказаніе, которому грѣшная душа подвергается на судѣ. По окончаніи суда, душа, смотря по степени ея виновности, отправляется опять на землю и вселяется въ тѣло какого-нибудь млекопитающаго, птицы, рыбы или гада, или въ человѣка, гдѣ находится неопредѣленное время.

Надо думать, что, по понятіямъ бурятъ, душа не сразу переселяется изъ одного животнаго въ другое, а нѣкоторое время гуляетъ на свободѣ, и міръ всегда наполненъ душами людей, такъ какъ буряты, напримѣръ, при ходьбѣ, стараются не махать руками, чтобы нечаянно не убить душу. Убивая скотъ, буряты всегда выпускаютъ первую кровь на землю, предполагая, что съ нею вмѣстѣ изъ животнаго выходитъ жившая въ немъ душа человѣка.

Эти вѣрованія не дѣлаютъ, однако, бурятъ снисходительными къ животнымъ. Въ концѣ-концовъ, послѣ цѣлаго ряда переселеній, очистившаяся душа должна все-таки попасть въ царствіе „Дэвачжинъ“.

Печатано по распоряженію Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.

2007098074